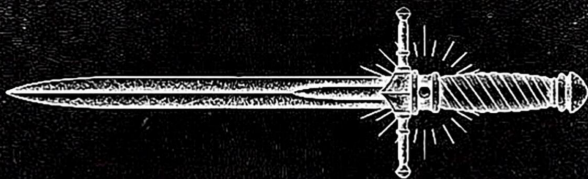

Призма
пораженного
Я

Будиловская Александра

18+

Александра Будиловская

Призма пораженного Я

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69495421

SelfPub; 2023

Аннотация

Каждому из нас знакомо щемящее чувство одиночества, затаившееся где-то под ребрами. И все мы храним его внутри себя, страстно мечтая избавиться от тяжелого бремени, а порой хотим верить, что спасти от этого способны любимые люди. Но так ли это на самом деле? Быть может, одиночество куда более всеобъемлющее и многогранное? Об этом каждый вечер задумывалась Касио Легран – молодая француженка, чья меланхолия в результате сотни раз разбитого сердца решила толкнуть девушку на нечто занимательное, но вместе с тем и прискорбное...

Содержание

Предисловие	5
1. Знакомство с Касио Легран	6
2. Две жизни	13
3. Мемуары	17
4. Вторник с сюрпризом	25
5. Встреча с прошлым	31
6. Селин Де Фрей	37
7. Ужин с Томá	42
8. Упокоение	47
9. Тише милая, не плачь	54
10. Скука или без «к»	61
11. Колет Хартманн	65
12. Дождь на набережной	70
13. Будни	76
14. Франк	80
15. Дом Хейза	90
16. За закрытым ртом	95
17. Салатовая комната	103
18. Отец ли призрак?	114
19. После бокала красного случилось много прекрасного	119
20. Отблеск	127
21. Горе-возлюбленный	137

22.Р.Р.А.	145
23.Болезнь души	151
Эпилог	155

Александра Будиловская

Призма пораженного Я

Предисловие

*За небосводом через страны
В чарующей экзотике любви
Случатся все мои романы,
А главным образом – мечты.*

Это произведение – моя своеобразная исповедь, написание которой потратила порядка трех с половиной лет, удалив при этом свыше четырехсот страниц. Я полагаю, что всякий человек остается одиноким до конца жизненного пути, ведь он просто-напросто не способен передать другим все чувства и переживания, каждую деталь и мелочь, что видел собственными глазами. Оттого мне действительно досадно. Пускай «Призма пораженного Я» станет отголоском моей юности и большого опыта, хорошо завуалированного за счет тесного переплетения с выдумкой. Однако я также надеюсь, что в период прочтения, мой читатель, ты найдешь упоение и для себя.

1. Знакомство с Касио Легран

*Красивые стройные ладные ноги,
Изящный и хрупкий женский стан.
Но в сердце таятся все время тревоги,
Кровоточит оно от обилия ран.*

Часто люди маскируют печаль под улыбкой или транслируют безразличный вид миру. Однако не у всех получается делать это искусно, или они и вовсе не имеют нужды в сокрытии эмоций. На некоторых лицах легко можно различить глубокую тоску и опустошение. Бывает неясно: взгляд ли пуст, уголки ли губ опущены? Это необъяснимое осознание чужих настроений приходящее интуитивно. Это не телепатия, но нечто непостижимое. Кто знает, возможно, и во взгляде Касио, стоящей в углу вагона, кто-то увидел события минувшего вечера? Примерно в полночь она сосредоточилась на собственных глазах, отраженных в зеркале. Сначала девушка быстро окинула взглядом скулы и посмотрела на потрескавшиеся от сухости губы, а после утонула в бездонных измученных очах, прикрытых от усталости потяжелевшими веками. Казалось, будто лицо обезобразилось гримасой ужаса и страха, но в действительности лишь уголок рта дрогнул неестественно. В этом взгляде сосредоточилось

все пережитое и неподвластное описанию ни одному языку вселенной. Наконец, брови вытянулись в положение, говорящем о бури эмоций, сосредоточенных внутри черепной коробки. Что-то давило в горле и слезы готовы были пуститься на волю, но желание из последних сил быть сильнее не позволяло новорожденным ручейкам покинуть истоки. Касио едва заметно встряхнула головой, слегка зажмурилась и вернулась к серой обыденности. Эта хорошо знакомая девушке история борьбы чувств и разума закончилась также быстро, как и началась.

Легран довольно скептически относилась ко всему в жизни, в особенности к близким отношениям с людьми. Экстравагантный опыт, приобретенный ею в приложениях для знакомств и за их пределами, а также категоричный характер матери научили держать уши востро. Девушка старалась здраво оценивать ситуацию и доверять людям, но щемящее ощущение скорого разочарования не отпускало ее. Не было места грезам, потому что привычный сценарий – это когда все хорошее неожиданно заканчивается. Фокус сосредотачивался именно на грядущих неприятностях, а не на счастье здесь и сейчас. Однако нередко ожидание подвоха предоставляло привилегии. Когда происходило что-то действительно болезненное, Кас принимала ситуацию проще, потому что заведомо знала, что горький исход неизбежен. На самом деле внутреннее одиночество было вездесуще, просто порой удавалось хорошо от него спрятаться. В подобные, как

правило, недлительные моменты верилось, что жизнь абсолютно прекрасна, и нет в ней невзгод. Но нельзя было сбегать от правды, всегда находившейся рядом – в душе. Особенно депрессивные моменты Легран могла внезапно погрузиться в размышления и отдалиться от всех на неизвестный срок, желая не показывать незваные переживания и собственную слабость, видеть которую она и сама могла исключительно в стенах дома. Да и там, наглядевшись в изнуренное отражение, она вскоре гордо поднимала голову ввысь и говорила себе ровно одно: «соберись, тряпка». В такие периоды внутри разгоралась война. Это бились два противоположных желания: излить душу, уткнувшись в чью-то теплую грудь или оставаться стойкой чего бы это ни стоило, не раскрывая уязвимостей. В любом случае девушке мечталось освободиться от боли навсегда. Вера в исчезновение глубоко засевшей меланхолии bravо держалась даже в самые трудные моменты. Легран жила в противоречащих ее желаниям ощущениях, которые изредка сменялись на гармонию и подобие спокойствия.

Панацеей от непрекращающейся череды угнетающих мыслей представлялся плотный загруженный график, когда оставалось куда меньше времени на всякие глупости. Однако полностью искоренить пессимистичность природы никогда не удавалось. Иной метод борьбы с недугом заключался в людях. Оказываясь в коллективе, девушку раширало на совершенно разные шутки – саркастичные, безобидные, постиро-

ничные. Особенно сильно Касио радовали положительные реакции на ее юмор. Легран было приятно ощущать, что в ней кроется способность вызывать в людях искренний смех. И пускай печаль одолевала девушку слишком часто, она все еще любила искренне улыбаться. А по вечерам Кас все-таки позволяла себе сбросить оковы и хотя бы на десять минут придаться фантазиям. Она представляла довольно обычные вещи, которые выглядели вполне реально, но вряд ли могли бы случиться. Все ее мысли были направлены на тех, кого она хотела видеть рядом. Часто Легран улыбалась, пока фантазировала о романтике и умиротворении или противоположно – об опасных ситуациях, где о ней заботятся и защищают. Эта отдушина казалась самой приятной частью дня, вселяющей ощущение удовлетворения и, быть может, крохотную надежду или неукротимую веру в осуществление давних мечт.

Несмотря на обилие противоречивых эмоций и совершенно разных внутренних импульсов, девушка старалась придерживаться принципу, что сила заключается в правде, поэтому предпочитала разговаривать с людьми по душам. Ей было несложно рассказать о том, что не нравилось и хотелось изменить, решить возникнувший конфликт с помощью открытой беседы и услышать чужую позицию. Повествование о своих эмоциях и мыслях вызывало чудное ощущение, будто человек – существо мудрое и одаренное возможностью освобождаться от внутренней тягости просто-напросто рас-

сказывая истину. Касио старалась относиться к людям с пониманием и внимательностью, насколько это было возможно. Правда, если они посягали на свободу других, яро критиковали и не были способны сдерживать накал эмоций – от терпения и индивидуального подхода оставалось куда меньше. При любых обстоятельствах она не искала конфликтов и просто хотела мирно существовать, однако часто приходилось отстаивать свои права, после чего девушка испытывала чувство вины за раздражение и твердость слов, которые выражала оппоненту.

Что касаясь внешности, Касио – привлекательная, выделяющаяся из массы людей за счет роста особа, обладающая грациозной походкой, из-за чего порой казалась, будто тело ее летит над землей. Волос темного каштанового оттенка, густые широкие брови, аккуратный носик точно у коренных французских девушек с обложек журналов и слегка пухлые губы с четким контуром делали ее желанной практически для каждого мужчины. Еще больше совершенствовали образ Легран в меру вытянутый овал лица, не резкие, но достаточно глубокие скулы, а также укороченное каре с небрежной волнистостью. Однако на фоне всего изящества, невозможно было отвлечься от западающих в душу ее внимательных карих глаз, которые на солнце приобретали янтарные вкрапления, и неестественно длинных ресниц, будто бы покрашенные тушью. Фигура – песочные часы. Придаваться описанию красоты подобного телосложения – все равно, что переписыв-

вать один из томов «Войны и мир». Потому проще сказать, что целостная картина – предмет зависти для многих девушек, мечтающих об идеальном теле. Но, несмотря на любовь к своему внешнему виду, жизнь без выдуманных недостатков – сказка. Касио ненавидела родинки на спине, расположившиеся точно как небесные светила какого-нибудь созвездия. Она считала их чем-то уродующим изящество женской спины. Помимо «звезд», Легран предвзято относилась к морщинкам на лбу, появляющимся при напряжении бровей, когда мимика лица транслировала удивление или недовольство. Она переживала о внешности сквозь время, потому мысли об этих неровностях приводили ее в раздражение и заставляли нервно прикусывать нижнюю губу.

Девушка называла себя эстетом, потому что огромное удовольствие приносила ей именно визуальная часть всего окружающего. Прихотливая натура имела высокие стандарты. Самым неприятным зрелищем для Касио, например, являлось однообразие: непосильным трудом было свыкнуться с повторяющимся каждую встречу нарядом собеседника. Излишне утомительно и сложно для требовательной особы было не иметь возможности оценить чье-то незаурядное одеяние, зацепиться за новые красочные детали и создать в голове несколько других образов с ними. Зачастую излишняя придирчивость становилась предметом ненависти Легран, особенно в таких случаях, когда человек глубокий и занимательный зачастую отвергался ею именно из-за нераз-

берихи или скучности внешнего вида. Однако именно таков был секрет комфорта любительницы всего прекрасного: тандем внутренней и визуальной красоты.

2. Две жизни

*Объятья Морфея душат, порой согревают,
От дикого мира оберегают.
Холодная кожа под одеялом,
Подушка сжата крепко в руке:
В погоне ночной за идеалом,
Скатилась беззвучно слеза по щеке.*

Буквально минуту назад старая разрисованная рама подверглась стрельбе. Цветные осколки обрушились на стол, покрыв собой различные бумаги, сплелись воедино с ворсинками ковра и в последнюю секунду направились к ошеломленному лицу Легран, мирно сидевшей на svoженной кровати. И стоило одному из осколков некогда живого витража коснуться прикрытого века Касио, она вскочила из-под одеяла, одновременно отмахиваясь рукой от приближающейся опасности. Нелепость движений, отсутствие колких звуков размельченного стекла и совершенно спокойная обстановка вокруг привели ее сперва в замешательство, а после в чувства. Витраж цел. Толстый кот дремлет. Волосы примяты на макушке. А это значит – снова кошмар.

Девушка любила пить свежесваренный в турке кофе. Терпкий напиток как ничто лучше бодрил даже самым

неприятным утром. Поднеся кружку к обезвоженным губам, Касио уставилась на витраж. Огромное старинное арочное окно, некогда совершенно невзрачное и пустое, теперь стало настоящим произведением искусства. Если бы это была японская мультипликация, в очах девушки непременно вырисовались бы сердца. И это совершенно неудивительно, ведь автором творения была сама Легран. Вдохновившись эстетикой готического витража, Касио провела месяца, воссоздавая нечто похожее. Буйство красок, точность линий и образ девушки с крыльями, занимающий центральную часть композиции, заставляли воздух в помещении свежеть, дыхание становиться смиреннее, голос тише, а движения более размеренными. Удивительные вещи творило это художественное произведение. Казалось, в иной раз сердце остановится, душа запорхает под потолком и вырвется на волю сквозь окно с изогнутыми узорами витража, символизирующего свободу. Однако, невероятная красота для Легран, другим могла показаться пугающей и зловещей. Свет искажался, комната озарялась холодными ультрамариновыми лучами, и присутствовало ощущение, будто сквозь подол платья изображенной девушки чужак наблюдает за любыми движениями. Несмотря на то, что жилище располагалось на высоком уровне, чувство незащищенности могло взять верх над логикой. Витраж вместо символа свободы в мгновение ока мог превратиться в решетку, из-за чего комната становилась похожей на тюремную камеру – темную, холодную и бесчув-

ственную.

Девушка вновь думала о значении приснившегося ей обстрела. Несмотря на частую мрачность ночных кинофильмов, жизнь в ирреальном мире была для Легран чем-то загадочным и жутко интересным. Удивительным моментом здесь являлась единая карта выдуманных местностей. Каждый раз, попадая в сон, Касио видела различные сюжеты: повторяющиеся вновь или совершенно новые. Но вне зависимости от этого фактора места были прежние каждый раз. Казалось, будто это действительно существующий город с особенностями присущими любому населенному пространству, с детальными прорисовками и запоминающимися издержками того или иного архитектурного стиля. На протяжении долгого времени положение вещей в прямом смысле этого словосочетания видоизменялось, но никогда не оставалось незамеченным. Подобно возвращению в изменившийся с годами отчий дом, Касио замечала перемены, а события и места вызвали ностальгию. Настолько они были привычны и родны, что чувства в реальной жизни и жизни иллюзорной практически не различались. Девушка действительно ощущала, что живет в двух мирах. Когда происходило сравнение, невольно лучшим среди двоих становился ирреальный, где мертвые жили, а скука повседневности стремительно умирала и становилась настоящим ничтожеством перед образом несокрушимой насыщенной движением жизни. Незавершенные события имели свойство продол-

жаться, когда Легран вновь погружалась в сон. Они начинались с момента, где обрывались в прошлый раз. Бывали случаи, где сновидения десятилетней давности возобновлялись и продолжали интригующее повествование. Это был своего рода сериал, совмещающий в себе восстановление энергии и досуг. Касию запоминала практически все увиденное после пробуждения. Годами детальная информация хранилась на книжных полках внутри шкафа, называемого черепом. Сильно взбудоражившие и напугавшие в далеком прошлом маленького ребенка сновидения боролись за свое место среди новообразовавшихся воспоминаний. Но в результате они не вытесняли друг друга, а находили компромисс и лишь расширяли возможности памяти. Таким образом, получалось создавать связь между разными событиями ночного мира, что позволяло постепенно собирать пазл единого сюжета.

Однако объятия Морфея порой использовали удушающие приемы в виде воссоздания образов, по которым девушка неистово скучала. Так, например, после пробуждения возникало желание исчезнуть, когда в действительности не было того человека, в которого Легран вжималась, обнимая на протяжении всего сновидения. Кожа после пробуждения все еще помнила теплые желанные касания, а мозг повторял одну и ту же фразу: «Я все понял, Кас. Теперь я больше никогда не покину тебя». А вокруг теперь уже только пустая кровать и мокрые следы на подушке...

3. Мемуары

*Судьба насмешливо шутила,
Но ведь могла предотвратить чернила,
Что разлились по белому листу.
И жажда чувств переменилась резко,
И поменяла мысли веско.*

Проснувшись в холодном поту, Касио забила в угол. Ее обычно пассивный и толстый кот носился по комнате, неуклюже сметая на своем пути все, что плохо стояло. Он издавал шипящие звуки, и время от времени, напрыгивал на невидимое существо. В топоте его пухлых лап прослеживалась некая ритмичность, неожиданная от такого ленивого животного. Он явно был заинтересован в своей цели и стал глух на возгласы хозяйки. Легран потянулась к торшеру, хотя и понимала собственную ничтожность против расстояния между лампой и кроватью. Наивные попытки привели к падению на пол. Девушка вскочила и подняла упавший вместе с ней торшер. К сожалению, это стало для него летальным исходом, совершенно не входившим в планы Касио. Кот зашипел, замер, и во тьме последующая тишина превратилась в настоящий кошмар. Легран осторожно пробиралась к настольной лампе, в надежде случайно не натолкнуться на что бы то ни

было. Пальцы ног почувствовали мягкие, но цепкие касания и непроизвольно задергались. В эту же секунду на конечности с выставленными когтями приземлился шерстяной друг. Девушка истерично заверещала и одновременно нажала на кнопку включения света. В клыках воинственного кота истекала кровью мертвая крыса.

Еще пару дней назад Касио вспоминала свой мрачный сон, исполненный в заглушенной сероватой палитре. Крысы напали на нее в переулке, прокусывая подошву и цепляясь за края удлиненной юбки. Девушка отмахивалась от бешенных помоечных жителей, но с каждым ее движением их количество умножалось вдвое. Сумка слетела с плеча и из нее выпал огромный кусок сыра. Крысиная стая без секундного сомнения переметнулась на лакомый кусочек, а девушка иступленно замерла, наблюдая за кровожадным сборищем. Они вгрызались в сыр аномально длинными клыками и, казалось, были готовы разодрать друг друга на части. Желтое лакомство стало обретать форму неровного овала. И чем дольше Лэгран вглядывалась, тем больше напоминающий человеческое лицо сыр становился человеческим лицом. Стоило испуганной девушке окончательно разглядеть черты давнего друга Клода, крысы все как одна повернули обезображенные морды по направлению к Касио. Но дальше не было ничего. Лишь только лицо старого знакомого с широко раскрытыми глазами и прокушенными десятки раз щеками не покидало мысли девушки. Она проснулась

и будто бездыханная лежала на кровати минут пятнадцать. Кровавые лучи утреннего солнца проникали сквозь цветную призму и падали на противоположную от кровати стену. На ней странным образом вырисовалось очертание физиономии зловеще улыбающегося Клода с изуродованными щеками. Легран немедленно зажмурилась настолько сильно, что закружилась голова, зато вместо уродливой проекции стена лишь покрылась алыми оттенками попавшего в комнату света.

Холодные струи воды смывали непрекращающиеся мысли и насыщали умиротворением. Некогда блистающая поверхность ванны потеряла былую красоту из-за ржавой линии на дне, протянувшейся к стоку. На своженный коврик опустили женские ступни, оставив под собой круги влажности. Мягкая ткань махрового полотенца собирала капли воды по телу и наполнялась ароматом сладкого геля для душа. Мокрые волосы лежали прямыми прядями, что было неестественно для подвивающейся шевелюры. Идеально чисто зеркало никогда не запотевало, так как Касио предпочитала принимать душ исключительно под прохладной водой, которая парадоксально согревала тело.

Дно турки наполнилось ароматным молотым кофе. Пар от нагретой жидкости поднялся извивающимися узорами, словно говоря, что пора ставить терпкий напиток на огонь. Теперь лишь оставалось следить за пока еще спокойно готовящимся кофе. В подобной тишине и некотором бездей-

ствии сложно не предаться раздумьями, потому Касио вновь вспомнила о пугающем сне. Эти крысиные бешеные глазки, их длинные лысые розовые хвосты и агрессия, проявляющаяся в желании грызть все на своем пути... Как ужасны эти мерзкие существа! Хуже того лишь появление подобной особи в укромном уголке дома девушки. Это отвратительное создание нарушило ее сон, заставило кота разворотить все вокруг и к тому же погубило любимый винтажный торшер. Побег разбушевавшегося кофе, который не дождался смены температурного режима, вернул Легран в реальность. Сваренный напиток был перелит через маленькое ситце в термостойкий стакан. Добавив немного молока, девушка направилась к ноутбуку. Любопытство узнать немного о нынешней жизни старого друга, заставило Кас отыскать его профиль в социальных сетях. Несмотря на активную жизненную деятельность, Клод все так же не любил делиться личной жизнью с малознакомыми людьми, так что можно было лицезреть исключительно то, что касалось его работы.

Клод Дюваль – первые и самые сильные чувства Легран, со всей положенной им детскостью, привязанностью и самой что ни на есть глубокой печалью – вечной и чистой. Чем больше отвергались пассивей чувства девушки, тем сильнее она осознавала силу этой влюбленности, перетекшей со временем в безответную любовь. За семь лет непостоянного поведения зазнобы девушка испытывала множество противоречивых эмоций. Она металась от «люблю» к «ненавижу» и,

порой, мечтала изменить тот чертов день, когда судьба свела ее с издевающимся над хрупкими чувствами Дювалем. Однако жизнь учила Касио относиться спокойнее к примитивным действиям людей и реагировать легче на их поступки, способные создающие глубокие невидимые раны. Его периодические исчезновения терзали душу, вынуждали искать причины этих уходов в себе и ждать. Ждать долго и верно. И дожидаться. Встречаться, говорить, забываться и снова сгорать в сомнениях.

Когда Касио исполнилось шестнадцать, она решила собрать группу знакомых для празднования и в том числе пригласила свою любовь. Вечер, центральная улица города, задорно смеющиеся приглашенные на праздник друзья и он, идущий так близко. То ли отсутствие сомнений в задуманном, то ли храбрость из-за спиртного позволила взять его под руку и прогуляться поодаль от остальных. Несколько дрожащий голос юной Касио звучал так уязвимо, когда она признавалась в чувствах, что казалось, будто отказ станет причиной обморока! Но, как оказалась, сил и мужества для того чтобы перенести отрицательный ответ было достаточно в хрупком девчачьем теле.

В иной раз они перестали общаться на полгода, что случилось в результате сдержанного, но мстительного поступка Легран. Ее так тяготило все происходящее в отношении Дюваля, что она решилась на отчаянный шаг, который терзал ее совесть и душу, но являлся необходимой мерой. На тот

момент жизнь Касио покинул четвероногий член семьи, и ей безумно сильно нужна была поддержка друга. Девушка готовилась рассказать о случившемся на предстоящей встрече, которая, однако, так и не свершилась. Клод всякий раз, когда он был нужен, не приходил на помощь. Он забыл о встрече, а быть может, помнил, но имел другие планы. В отчаянии Легран решила пригласить его прогуляться в другой день, чтобы преподнести главное блюдо: просто-напросто не явиться, заставив ожидать ее появления несколько часов. К слову, хватило девушки только на пятнадцать минут, после чего она поспешила сообщить, что, к большому сожалению, прийти не сможет. И казалось, что миссия была выполнена успешно и парень больше не появится в жизни обреченной Легран, пока по истечению шести месяцев Дюваль снова не явился с букетом цветов и конфетами. Все как полагается. Комично только, что первая его фраза повествовала о том, что это дружеский презент. Но Касио это интересовало меньше, чем могло бы, так как в ее жизни уже появился другой молодой человек.

В нынешней натуре Клода наиболее сильно выделялись его умение вовремя сказать короткую фразу, способную вызвать шквал эмоций и смеха, или своими речами побудить человека немедленно начать реализовывать давно задуманные творческие планы. Помимо этого не было в нем ни эмоциональности или холодности, ни твердости или нежности, ни заботливости или пренебрежения. Казалось, он во всем

достигал середины, которая не позволяла красочно описать его характер. Спокойные деловые костюмы с изысканным видом, создаваемые Клодом, хорошо отражали его сдержанный характер. Порой чудилось, что в нужной ситуации он не сумеет заступиться и выберет нейтралитет. Клод ненавидел конфликты и всячески избегал их или предпочитал решать проблемы исключительно словами. Особое удовольствие ему приносило внимание окружающих, которое тешило его нарциссическое эго. Не рослый и не низкий, не восхитительной наружности и не безобразный, не мускулистый и не худой – он был средним во всем, не преодолевал грань, делающую его внешность или характер выделяющимися. Но было в нем нечто непонятное, что по какой-то невиданной причине заставляло людей тянуться к этой персоне.

Клод осознавал свою зависимость от матери, но не решался что-то предпринять. Его сердце навечно было привязано к родному дому и живущей в нем дорогой Розе. Ей было чуть больше пятидесяти, однако похвастаться крепким здоровьем женщина уже не могла. Ее преследовали тревожность и паника, плохо сказывающиеся на состоянии сердца. А эта излишняя беспокойность в свою очередь не давала покоя Дювалю, заботящемуся о состоянии своего единственного важного человека. Он выполнял любые ее желания, пренебрегая при этом своими потребностями. Заработав первые большие деньги, Клод перебрался в более просторную квартиру, куда первым делом перевез свою единственную жен-

щину со всем ее барахлом и животными. И все было бы ничего, если бы к счастью Розы, на достатке, карьерном успехе и заботе о своей старушке не заканчивалась суть существования Дюваля. В его жизни отсутствовала искренняя и страстная любовь, невелик был опыт с девушками. Он добровольно похоронил свою полноценную жизнь, ухаживая и потакая любому слову матери – женщины с напористым и своенравным еврейским характером. В винтажном бумажнике Дюваля лежала фотография молодой Розы в окружении кустарника одноименных цветов, а на левой руке он всегда носил серебряные старинные часы, подаренные ею. Каждый свой день рождения Клод предпочитал проводить в кругу самого близкого человека – женщины, что подарила ему жизнь. По утрам он говорил с матушкой о чем-то совершенно скучном порядка пятнадцати минут и только после беседы начинал выполнять незамысловатые бытовые дела. Каждый вечер Дюваль молился за здоровье многозначщей прародительницы, любимые коллекции одежды посвящал именно ей и на локальных показах приглашал в качестве главного гостя. Все крутилось вокруг этой низенькой властной женщины, воспитавшей боготворящего ее сына.

4. Вторник с сюрпризом

*Любовь толкает на забвение
И порождает клевету.
Но важно помнить что затмение
Не исчезает в пустоту.*

Касио занималась версткой книг в скромном, но перспективном издательстве. Она работала в «Архитектурном» уже больше двух лет. Среди часто меняющегося штата девушка была одной из немногих, кто трудился там дольше остальных. Коллектив не отличался особой дружелюбностью, практически каждый хотел вытеснить другого в погоне за выгодой. Доверять, безусловно, никому не хотелось, потому Легран общалась лишь с двумя работниками из старого состава. Девушка всегда предпочитала мужскую часть населения, поэтому в выборе приятелей на рабочем месте остановилась на представителях сильной половины общества. Леви Хейз – один из верстальщиков «Архитектурного», пришедший в самом начале пути издательства. Вероятно, во многом общение с ним повлияло на закреплённый за Легран статус. Леви был близким другом издателя и по совместительству являлся настоящим профессионалом своего дела. По происхождению он чистокровный канадец, но родился в Нанте во

время медового отпуска родителей. Череда положительных событий привела молодую пару с ребенком к решению вернуться во Францию вновь только уже с видами на постоянное место жительства. К двадцати семи годам Хейз сумел обзавестись женой и годовалым сыном, необычайно похожим на него. Светловолосый коллега – высокий мускулистый мужчина с брутальной щетиной, всегда улыбающимся глазами и располагающей к себе мимикой. В его внешности был один единственный изъян – перекошенный нос, который в целом не делал его отвратительным, но бросался в глаза при первом общении. В раннем детстве он был активным ребенком и совершенно не глядел, куда несут его ноги, потому был наказан качелью родного двора. Жюль Томá – талантливый бильдредатор с запоминающейся внешностью: средней длины темные кудри, черные глубокие глаза, впалые щеки, манящие пухлые губы и главная особенность – родинки над губой и подле правого глаза. По большей мере он рассудительный, однако, иногда выбирается наружу его пылкий темперамент – завораживающий и непредсказуемый. Внерабочее время пропадает в джазовом кафе, где дает любительские концерты на фортепиано и между делом дегустирует вина, в которых, к слову, неплохо разбирается.

Сегодня был заурядный вторник – день далекий от выходных. Касио вошла в стены «Архитектурного» и, поприветствовав коллег, уселась в кресло. Поставив на рабочий стол кофейный напиток, ее внимание привлек желтый сти-

кер на окантовке компьютера, приглашающий пройти в кабинет начальства. Совсем недавно ей говорили о премии за хороший труд и большой вклад в развитие издательства, поэтому девушка смело направилась в назначенное место. Уверенность шага проявлялась в его громкости. Попав в кабинет, Легран размеренно присела на свободное кожаное кресло. Через мгновение вошел и Жюль, выражение лица которого было полностью противопоставлено настроению Касио. Пот, проявившийся на лбу Тома, заставил девушку немного насторожиться.

«Дени, маленькая зараза! Вечно лезет на рожон!» – в конце разговора в кабинете произнес руководитель. Эта неугомонная коллега действительно уже в третий раз оказывалась в центре проблем, которые нарочно сама же и создавала. Конечно, теперь уже никто не сомневался в поджидающем ее за углом увольнении, однако организовать переполох ей удалось как никогда хорошо. На этот раз все заключалось в ее чувствах к Жюлю, в последнее время совсем не обращающему на девушку внимание, зато проводящему каждый ланч в компании Леви, а главным образом Касио. Дени не могла наблюдать за совместным весельем и гармонией внутри маленькой коммуны. Ревность взяла верх над вспыльчивой блондинкой и девушка решила сделать то, что получалось у нее лучше всего – подставить соперницу. К сожалению, а лучше сказать, к счастью, коварная дама просчиталась за незнанием положения Леви в «Архитектурном».

Ее перевели в издательство относительно недавно, поэтому она не успела осведомиться обо всех деталях и попала впро- сак. Хейз первым узнавал о любых сплетнях вне зависимо- сти от того насколько они непристойны или скучны. Хитрый и удачливый мужчина всегда оказывался в нужное время в нужном месте, а если и нет, то, как тот любил выражаться: «у стен есть уши, и они мои». Не осталась в стороне и ин- формация о клевете Дени, так нелепо поддавшейся эмоци- ям. Насколько бы Тома́ не старался быть тактичным и сдер- жанным, осквернение чего-то важного для него всегда раз- жигало пламя внутри груди. Конечно, Касио было до глуби- ны души приятно, как яро Жюль боролся за справедливость и защищал ее ценой своей репутации, однако мысль о том, что между ним и Дени что-то было, пускай даже очень незна- чительное, расстроила девушку. Она отмахнулась от этих на- зойливых ощущений, сосредоточившись на том, что говорил приятель. Правда, получалось это не очень, и все было как в тумане. Легран опомнилась лишь, когда Жюль, резко вышел из кабинета, оставив после себя широко распахнутую дверь. Рядом лежащие стопки бумаг разлетелись от импульсивно- сти бильдредактора. Он направился к рабочему месту, нерв- ным движением снял пальто с вешалки, накинул его на себя и бросил разочарованный взгляд на Дени, сидящую с высоко поднятой головой за дальним офисным столом. Касио выбе- жала чуть позже, когда Тома́ уже покинул помещение. Она в спешке подошла к Леви и с досадой посмотрела на версталь-

щика. Тот выдохнул сквозь зубы, смешливо улыбнулся, побуждая приятельницу поспешить за самым эмоциональным из их компании. Задумавшись на секунду, девушка решила оставить все на потом и последовала за Жюлем.

Молодой человек, пребывая на свежем воздухе, приходил в себя. Легран вышла из стен высокоэтажного здания, оглянулась и, увидев нервно выкуривающего сигарету коллегу, направилась к нему. Девушка аккуратно дотронулась до спины молодого человека и заглянула в глаза, чтобы оценить его состояние. На секунду показалось, будто он был совсем спокоен. Однако стоило им переглянуться, Томá заполнил тишину негодованием, стараясь подобрать более или менее приемлемые выражения. Касию, воспринявшая ситуацию спокойнее, все-таки почувствовала прилив негативных ощущений, порожденных бурной реакцией собеседника. Но она умела обуздать эмоции, находясь в обществе, поэтому направила все силы на воодушевление приятеля, чтобы далее спокойно обсудить произошедшее и прийти к какому-либо умозаключению. В ходе диалога казалось, будто Жюль оправдывался перед ней, пытался загладить вину, которая так сильно утрировалась в его сознании, и теперь он совершенно не мог перестать корить себя за то, что из-за него коллеге довелось услышать о себе долю неприятной информации и испытать стресс. Это означало, что Томá как минимум небезразличны чувства девушки.

– Почему ты так волнуешься? – вдруг спросила Легран.

Молодой человек нелепо запутался в эмоциях разом нахлынувших и повергнувших в смятение. Это забавляло, до тех пор, пока брови его не нахмурились, и он выжидающе не посмотрел в сторону Касио, словно предполагая, как изменится ситуация после его слов.

– Rendez-vous¹? – коротко спросил Жюль, внимательно наблюдая за реакцией приятельницы.

– Свидание? Ты зовешь меня на свидание? – недоумевая, переспросила Легран.

– Да! Как насчет четверга? Вечером.

Подумав пару мгновений, девушка ответила согласием. Томá радостно улыбнулся, прикусив нижнюю губу, а Касио, явно не ожидавшая подобного предложения, смущенно взглянула на него исподлобья. Не проронив больше ни слова, они направились обратно в офис, где их ожидал взволнованный Хейз.

---

¹ Rendez-vous – свидание, встреча.

5. Встреча с прошлым

*Он остался таким же как был,
Позабыл о скорости времени.
Правда, ей теперь он не мил –
Ощущается тяжким бременем.*

Во время ланча на следующий день, когда Хейз с Жюлем вышли на перекур, в кармане джинсов Касио завибрировал телефон. На автомате девушка открыла приложение для знакомств и внезапно иступлено застыла, уставившись в экран. Крайне необычайная личность соизволила напечатать ей следующее: «Не ожидал встретить тебя здесь, Касио. Как насчет пересечься, поболтать?» Легран было странно понимать, зачем Дюваль всполошил старое, да еще и после недавнего незаурядного сновидения. Впредь ей, конечно, снились вещие сны, однако такая практика в последний раз происходила достаточно давно. Иными словами, этот сон явно не должен был стать предвестником грядущей встречи со столь значимой для девушки фигурой. Однако все было в ее руках: здесь и сейчас пальцы могли написать пару ласковых и пожелать Клоду всего самого лучшего. Правда, Касио не спешила принимать решение, так как ощущала незавершенность, будто бы что-то все еще оставалось за кадром и связы-

вало их. По крайней мере, девушка часто вспоминала его даже после очередного годовалого перерыва в общении. Совместные фотографии предательски всплывали в галереи телефона, знакомые моменты снились ночами – сознание все так и не могло освободиться от образа так хорошо знакомого человека. Наплыв решительности не заставил себя долго ждать, и вскоре с детским трепетом Легран назначила встречу на грядущий вечер.

Восемь вечера. Луна освещает уже уставшие, но еще шумные улицы. Центральный парк. Касио была как никогда хороша, несмотря на выбранный для встречи образ: достаточно простой, но при этом хорошо сочетающийся по цветам и силуэту. На щеках яркий румянец, выдающий в девушке то ли большое волнение, то ли глубокий интерес к развитию событий. Первое, что бросилось в глаза, когда Легран приблизилась к ожидающему ее на тротуаре старому знакомому – его исхудавший, побледневший вид и некрасиво лежащие на голове отросшие волосы. Переливающиеся от света фонарей женские глаза были готовы увидеть этого человека любимым, по крайней мере, так им казалось до тех пор, пока они все же не посмотрели на него. На губах застыл вкус горького алкоголя, почему-то теперь так страстно желанного. До того маленькая девочка, все еще живущая внутри Касио, спряталась за свою старшую копию, появились дискомфорт и доля раздражения. Они вошли в парк, Клод неловко старался поддерживать диалог, рассказывая о своей жизни. Однако Легран

чувствовала исключительную скуку и едва ли сдерживалась, чтобы не зевнуть. Складывалось такое ощущение, будто в жизни Дюваля нет места ни для чего кроме работы. Раньше у них было куда больше точек соприкосновения и общих шуток, а сейчас девушка даже не хотела рассказывать про себя, хотя это совершенно было на нее не похоже. Она пропускала слова некогда хорошего друга мимо ушей, лишь изредка задавая вопросы из уважения, а сама думала о том, как наконец-то перестала что-то чувствовать по отношению к Клоду. Всякий раз, когда она встречалась с кем-то, то любого количества часов было мало для совместного времяпрепровождения, а в это мгновение ей хотелось поскорее сбежать, не придумывая даже оправданий. Как странно и стремительно запропастилась куда-то хранимая вечностью любовь... Смешок. Нежданный и неуместный. Клод уставился на ленивую собеседницу. Касио легким жестом руки указала на яркую вывеску кафе, тем самым привлекая внутрь. Молодые люди расположились у столика рядом с окном. Детали интерьера заведения были причудливыми: множество сюрреалистических картин, выкрашенные в насыщенные цвета стены, изогнутые ножки у мебели и необычайно красивая вылепленная вручную в какой-нибудь локальной гончарной посуда. Ожидая свой флэт уайт, девушка разглядывала эти элементы, в процессе чего неторопливо обдумывала нечто явно гениальное, в момент изменившее ее настроение и уничтожавшее томящую и убаюкивающую скуку.

Выпив кофе наполовину, Легран слабо улыбнулась, глаза ее загорелись ярче прежнего. Не внимая на удивление и нервозность напротив сидящего молодого человека, Касио, не сглаживая углы, начала дерзко и напористо повествовать о переживаниях и терзающих чувствах. Она честно произносила ругательства, которыми мысленно называла Клода в моменты гнева. С самого начала и до конца она раскрыла ему без страха и сомнений историю своей любви, потому что теперь происходящее вокруг не щемило душу, а словно было чужой жизнью. Девушка забыла, что такое тактичность высказываний, ведь сейчас она обнажала не душу, а заточиваемый годами клинок. К концу истории девушка заострила томный взгляд на вжавшемся в сидении Дювале, и четко ощутила, как тяжелая ноша, наконец, упала с ее хрупких женских плеч. На мгновение даже почудилось, будто в ушах появился звон от удара о керамический пол этого груза в виде несбывшейся мечты. Тем временем Клод выглядел предельно растерянным и уязвимым. Улыбкой и откровенностью Легран поразила его в самый центр зачерствленного сердца. Окаменелость постепенно разрушалась, что ясно читалось во взгляде молодого человека, старающегося избежать прямого контакта. Не в силах совладать с накаляющей обстановку тишиной, он прервал ее низким осевшим голосом: «Ты, наверное, хочешь узнать, чувствовал ли я что-то?» Уверенная в том, что все время повествования Клод мечтал об окончании издевательства, Касио слегка приподняла

бровь. Теперь, похоже, настал его черед объясниться. Однако давалось Дювалю это тяжело: минута, вторая – молчал. А она улыбалась – не получалось сдержаться. Глубоко вздохнув, он все-таки тихо произнес: «Давай, скажем, любил тебя всегда».

Девушка замерла. На каждый удар сердца приходилось слово «всегда», раздающееся эхом в голове. Едва сдерживая нервный смех, она пыталась сопоставить события и понять, где было место любви, когда на ее признание он ответил отсутствием чувств, когда мог не писать неделями, хотя накануне были важные события, не вступался, когда Кас обзывали и унижали в школе, исчезал и, возвращаясь с цветами, напоминал о дружбе. Всякий раз, когда речь заходила о чувствах к этому противоречивому мальчишке, он либо притворялся дураком, либо его мозг отключал уши, что, конечно, звучит абсурдно. Кроме негодования, Легран не испытывала ничего больше. Ей, в самом деле, просто было интересно понять, как же она могла упустить эту вечную честную любовь?

Следующие несколько часов они провели в эмоциональном обсуждении, временами буквально кричали друг на друга – энтузиазм стирал рамки. Клод обосновывал прежнее поведение страхом, нерешительностью и сомнениями. В раннем юношестве он понимал, что еще слишком неопытен, финансовые возможности не позволяли вкладываться в отношения или он просто был несколько туповат. В другие моменты ему казалось, что Касио видела в нем исключитель-

но друга и пресекала попытки проявить чувства. Напрягало Дюваля и наличие другого возлюбленного в определенный момент времени. Это все сбивало с толку и рушило мечты Клода. Даже слова близкого друга не помогли ему набраться смелости. Трезво оценивая ситуацию, Легран все еще не могла допустить, что при большом желании он так и не мог признаться в любви, к тому же в его оправданиях оставались несостыковки. Ей мало хотелось копаться в этом снова, тем более, в конечном счете, молодой человек признал, что будь у него больше мужества, все было бы иначе. Но иначе уже никогда не будет – слишком много ошибок для хэппи-энда. Правда, теперь Дюваль, кажется, предполагал, что есть возможность исправить положение и подруга юношества все еще готова быть его возлюбленной. Касио понимала это, но свои мысли предпочла не раскрывать. На такой загадочной ноте душещипательная встреча окончилась, оставив после себя предвкушение, интересную развязку.

6. Селин Де Фрей

Подруга юности поддержит в трудный жизненный момент,

Но не откроет тайную завесу, оставив времени секрет.

Победу в споре одержать, и разговаривать по фактам

Куда важнее чувства такта и дрожи легкой на руках,

Когда напротив человека не остается на глазах.

Первой о необычной встрече, конечно, узнала Селин – давняя подруга Касио. Они познакомились в модельном агентстве, когда Легран была еще совсем юна – едва ли исполнилось шестнадцать. Де Фрей старше на пару лет, однако, общий язык девушки нашли легко, даже невзирая на то, что поначалу подруга видела в Касио ребенка, что было совсем немудрено. Временами посмеивалась с ее решений и действий, но всегда понимала, что Легран взрослее своих лет. В личной жизни Селин все складывалось иначе – в ней не было места многочисленным интригам, незаурядным «сюрпризам» со стороны партнеров или погоне за глубоким и душевным. Здесь все строилось на стабильности, консервативных взглядах на жизнь и, разумеется, женской хитрости и проворности. Что говорить о приложениях для знакомств – Де Фрей отрицала какую-либо возможную пользу от подобных

«игрушек» и всегда, стараясь быть хотя бы чуточку тактичной, отговаривала от использования дейтинговых сервисов. Девушка мечтала о семье, задумывалась о том, какой матерью будет и как назовет детей. Внешность сочеталась с характером: взгляд несколько грозный и пронзительный, широкие брови и главная особенность – гетерохрония. В голубизне глаз затерялся зеленый островок, как в море прячется суша. Длинные светло русые ухоженные волосы и стройная фигура с красивым бюстом придавали особой привлекательности и эффектности. Касию невольно сравнивала подругу с кошкой – ловкой, грациозной и своенравной. У Селин на все было собственное мнение, переменить которое, в самом деле, невозможно. А ее едкие высказывания почему-то прилипали к сердцу слишком плотно, оттого Легран иногда погружалась в думы и ловила нотки легкой печали.

Их дружба представляла собой тот тип взаимоотношений, когда можно было подолгу не видеться, но знать наверняка, что каждая помнит друг о друге. Вероятно, если бы они начали общаться как никогда активно и видеться по несколько раз в неделю, обе бы почувствовали, как излишнее притирание напрягает и в некоторой степени отталкивает. Раз в месяц-два они предпочитали встречаться в какой-нибудь уютной кофейне, съесть по нежному эклеру и рассказывать друг другу произошедшее с ними за это время. Истории Легран отличались непредсказуемостью, обилием интриг, множеством имен, в которых Де Фрей всегда путалась, и особен-

ной эмоциональностью, в то время как Селин рассказывала спокойнее и сдержаннее, сохраняя некоторые подробности в тайне. Временами девушка старалась давать Касию советы, в которых та чаще всего не нуждалась. Иногда это вызывало у Легран раздражение, но в большинстве случаев все-таки благодарность, за то, что подруга вникает в проблемы и пытается что-то предпринять. Селин к большому разочарованию Кас была не самым тактильным человеком, поэтому зачастую смотрела на нее с ноткой презрения и непонимания, когда та нуждалась в объятиях. На некоторые вещи у девушки не хватало эмпатии, потому она могла невольно задеть чужие чувства. Легран хорошо помнила, как вернувшись однажды с тяжелым сердцем от психолога, решила поделиться с Де Фрей личным и сокровенным. Однако девушка вскоре с досадой поняла, что под ее историю о детских травмах, выбирающихся наружу, подруга нажала на кнопку смыва в туалете, а после отправилась мыть руки, бездумно отложив в сторонку телефон с что-то вещающей приятельницей на проводе. После подобного в периоды сильных переживаний Кас старалась самостоятельно совладать с бушующей внутри тревогой и закрывалась от мира внутри своей укромной студии.

– Пф-ф-ф-ф. Зачем ты согласилась на эту встречу? Это бессмысленно, – прошипела в трубку разочарованная то ли действием подруги, то ли поведением Дюваля Де Фрей.

– Я же сказала, что это наитие. Я почувствовала, будто

мне нужно что-то завершить.

– Но ты не завершила и пойдешь на еще одну встречу с этим маменькиным сынком!

– Да! В этом вся суть, ты меня не понимаешь! Настал мой коронный час. Все еще помню, как четыре года назад сказала себе, что сделаю так, чтобы Клод признался мне в чувствах. Я этого добилась, теперь дело за малым.

– Ладно, а что там с твоим кучерявым коллегой? – Селин наверняка улыбалась, ехидно проговаривая это.

– Завтра иду на встречу. Чувствую себя будто во сне! Мы столько времени работаем вместе, а мне казалось, будто мои чувства это просто игра в соло, которая никогда не станет реальностью. Слуша-а-а-й, – снимая носок Касио, едва ли не уронила телефон, – Дени просто стерва! Я вспомнила же, что не до конца рассказала тебе, что она там наплела про меня.

После этих слов начались самые что ни на есть настоящие женские сплетни, без фильтра слов, с удивленными и возмущенными возгласами. Примерно через полчаса болтовня прекратилась, кот лениво спрыгнул с кровати, желая утолить жажду, а девушки сошлись на одном: белокурой коллеге отнюдь житья будет не сладко.

Касио нарушила покой волос, взъерошив их махровым полотенцем. Длинная безразмерная футболка едва закрывала ягодицы. Легран прошла по густым бровям короткими движениями пальцев, по вискам побежали струйки воды, полотенце вмиг оказалось на батарее, а ручка ванной

двери преисполнилась недовольным скрипом. Теперь следовало хорошенько выспаться, предвкушая сладость грядущего дня. Наверняка завтра Кас почувствует долгожданный трепет, легкую щекотку под ребрами. Так интересно было узнать, какого это ощущать сбывшиеся мечты, которые, не успев толком родиться, были почему-то похоронены скептицизмом? Что говорить о Дювале, он снова появился, когда его не ждали, чтобы внести в жизнь девушки серобуромалиновых красок. Вероятно, не будь на горизонте Жюля, задумчивая Легран крутила бы в голове мысли о старом друге, но реальность вмиг изменилась: то никого, то все сразу – как и следовало ожидать.

7. Ужин с Томá

*Длинные мужские пальцы создают мелодию любви,
За окном темнеет рано и становится манящим визави.
Сохнут губы, кровь алеет, замирает сердца стук –
Голос бархатный напротив совершает хитрый трюк.*

Наступивший четверг обещал быть интересным из-за предстоящей после работы встречи с Жюлем. За весь период знакомства они редко проводили время вместе за пределами издательства, чтобы, например, обсудить рабочие моменты, прогуливаясь по набережной. А если пересекались, то делали это в большинстве случаев в присутствии Леви, задающего позитив и всегда имеющего парочку интересных новостей для обсуждения. Сегодняшний день проходил до ужаса заурядно. Дени отработывала последние дни, после которых ее переведут в какое-то богом забытое издательство, где наверняка долго задержаться ей также не удастся. Закончив смену, Касио забежала домой, чтобы освежить внешний вид и подобрать что-нибудь подходящее для случая. Выбор пал на излюбленный образ, включающий в себя черные брюки свободного кроя, не менее просторную рубашку с мужского плеча лавандового оттенка, скрывающую под собой черный топ, минималистичные лоферы и в завершении винтажный

темно синий тренч, удлиняющий и без того удачную фигуру. Важно было не забыть надеть серебряные кольца и добавить румян на и без того слегка пунцовые от спешки и волнения щеки. Улыбнувшись себе в зеркале, Касио попрощалась с котом и, схватив маленькую черную сумку, поспешила на встречу.

Подъехав к назначенному месту, у входа в ресторан девушка увидела дожидającegoся Тома с симпатичным букетиком, составленным из нежной мальвы, хорошо дополняющей его брючный костюм. Блеск лаконичных туфель на несколько высокой платформе, начищенных до идеала, был заметен издалека. Когда Жюль разглядел приближающуюся коллегу, он поспешил выпрямиться и, поправив лацкан, направился навстречу. Они поприветствовали друг друга короткими поцелуями в обе щеки, Касио приняла цветы, приятно удивившись, улыбнулась и поблагодарила. Изящный букетик пришелся ей по вкусу. То, как одевался молодой человек, всегда приводило Легран в восторг, поэтому при каждом удобном случае она не упускала возможность отметить это. Сегодняшний вечер также не оказался исключением. В сторону девушки посыпалось еще большее количество приятных слов, совсем разрумьянивших и без того розовые ланиты. Наконец, обменявшись любезностями, молодые люди вошли в заведение.

Внутри ресторана было довольно просторно и уютно. Интерьер, выполненный в канонах эклектики, пришелся Касио

по душе. Приятной наружности официантка разместила гостей за забронированным столиком близь приоткрытого окна, за которым расстилался озаренный прелестью вечерней луны пруд. Теплая весенняя тишина манила на прогулку, однако для этого еще было рано. Удобные кресла прибавляли комфорта и расслабляли. В них буквально хотелось утонуть, словно в объятиях дорогого человека. Касио чувствовала на себе постоянный заинтересованный взгляд Жюля и первое время смущалась. Они обсуждали многое: несомненно, работу, высокую моду, разностороннюю личность Рери-ха, неуклюжесть бывшей коллеги Сандры, и Дени, хотя совсем скоро сошлись на мысли не портить ужин. Диалог строился непринужденно и экспансивно, уводя беседующих в совершенно разные направления. Изысканное выдержанное вино украшало окружающий мир и делало визави привлекательнее.

В конце трапезы Легран удалилась в уборную, чтобы убедиться в своей привлекательности и подправить помаду. Взглянув в отражение, девушка отметила для себя, что не видела привычной печали, и ей было хорошо в это мгновение. Хотелось, чтобы легкость и спокойствие также сопутствовали ей всегда. Покинув дамскую комнату, Касио сразу обратила внимание на пустое кресло, где должен был находиться Томá. Она тотчас стала прокручивать варианты, куда мог деться молодой человек. Однако все встало на свои места, когда где-то справа послышалась размеренная, ласка-

ющая уши игра на фортепиано. Обернувшись, девушка увидела знакомое лицо. Жюль ловко и в то же время расслабленно перебирал клавиши, создавая особый антураж в заведении. Вместе с тем он улыбался Легран, с любопытством наблюдая за ее реакцией. Ей доводилось слышать его игру исключительно через динамики телефона. Тогда она не могла предположить, что вживую это звучит совершенно иначе – романтичнее, чувственнее и завораживающе. Приблизившись к Томá, Касио почувствовала неотступное желание дополнить эту превосходную музыку, продемонстрировав к тому же свои длинные изящные пальцы, созданные точно для игры на инструментах. Однако она совсем растеряла навыки, бросив обучение на фортепиано еще в детстве. И это было бесконечно прискорбно, так как мужские искусные пальцы неумолимо манили совершить это действие. Вскоре чарующая композиция окончилась, голос Жюля вернул девушку из мира грез. Она затараторила что-то так быстро, что у молодого человека это вызвало смешок, который он не смог сдержать. В результате оба засмеялись, не отводя при этом взглядов друг от друга.

Теперь молодые люди прогуливались по скверу вокруг центрального пруда. Теплый весенний вечер приятно ощущался на коже. Затянувшееся забвение девушки прервал монолог Томá.

– В последнее время я много думал об эффекте бабочки. Удивительно как просто можно соотнести любую нелепую

случайность с каким-нибудь масштабным случаем, произошедшим с нами. Ровно также можно утверждать, что это самая настоящая глупость, – на этой ноте Жюль призадумался, – хотя я так не считаю! Оставим это скептикам. Тогда появление Дени в «Архитектурном» – не что иное, как путь к нашей сегодняшней встрече. Ее поступок неожиданным образом придал мне уверенности, показал, что я действительно все обдумал и готов, наконец, пригласить тебя на ужин. Мне давно следовало это сделать, но я чего-то ждал. И это явно было зря. Лучше бы поскорее я мог ощутить подобную безмятежность, что чувствую сейчас. И, наверное, я звучу как студент первокурсник, – за этими словами последовал легкий смешок.

Замолчав, молодой человек посмотрел на девушку, в лице которой явно читалось приятное удивление, однако вместе с тем, он заметил еще и смятение.

– Если не знаешь что сказать, можешь ничего не говорить.

– Кажется, ты читаешь мои мысли, – улыбнулась Касио.

Жюль тепло приобнял девушку за плечи, продолжая шагать в неизвестность. Ей были до мурашек приятны эти касания, но Легран не могла позволить себе транслировать чувства. Почему-то совсем не хотелось, чтобы коллега заметил краешек обнаженного сердца, уличил в давних мечтах. Но, черт! Как же ей было приятно, как лестно и в самом деле радостно! Неужели так и выглядит ее счастье? Такое незамысловатое и... красивое.

8. Упокоение

*Холодные стены забытого дома
Костлявыми пальцами душат дитя:
Еще мгновенье и адская кома
Заглушит стук сердца среди бела дня.*

Сквозь годы сны о родном доме не переставали посещать сознание Касио. Город, где родилась, девушка не любила и избегала поездок туда. Конечно, и причин для это теперь уже не находилось: родственники переехали, а друзья стали рядовыми знакомыми. Посещение знакомых мест щемило сердце, которое было вынуждено рано влиться во взрослую жизнь, оставив в бабушкиной кладовке коллекцию плюшевых медведей и любимые наборы лего. Вероятно, в сознании Легран Гриньи отпечатался предателем: покидая город, начиналась и ее новая жизнь, наполненная вопросами и сомнениями. Впитывая в себя серость окружающего мира, девушка постепенно закрывалась от светлых воспоминаний о ребячестве, забывала звучание беззаботного детского смеха и думала лишь о том, что возраст – путь к свободе. Хотя задувая свечи каждый год на своем праздничном торте, она все больше и больше сомневалась, что взросление хоть как-то связано с всеобъемлющей независимостью. Церковь ра-

дости Божьей матери погружала в пессимистичные настроения, а вид некогда вызывающих восхищение берегов озера Вири-Шатильон в последние разы буквально выворачивал наизнанку. Быть может, Кас просто скучала? По легкости, общению с мамой, да и просто по временам, когда после фразы «давай дружить» она находила действительно хороших ребят, помогающих отряхнуться после падения и дующих на очередные ссадины на коленках.

Касио часто снился подъезд, которого она боялась всем нутром. Он всегда представлялся ей более жестоким и страшным, чем был на самом деле. Раньше тревога охватывала девочку от одной только мысли выйти в одиночку на зловещую площадку. Главной причиной детского ужаса являлся высокий лысый парень, торгующей наркотиками и колющийся сам. Он плохо держал равновесие и всегда заваливался в одну сторону, голос его был скрипящий, неприятный. Широкие зрачки вызывали стойкое ощущение, что юный торговец вряд ли отдает отчет своим действиям и наверняка способен на что угодно. Путь к лифту проходил через деревянную дверь в его обитель, поэтому каждый раз маленькая Касио испытывала стресс и предпочитала бежать вверх по лестнице, перепрыгивая через ступень. Шесть этажей преодолевались за считанные секунды. Иногда по стенам была размазана кровь, на плитке застывали расплывшиеся красные лужи, использованные шприцы валялись тут и там. Отремонтированный ухоженный подъезд с выкрашенными

стенами омрачался живущим в нем люмпеном. Когда зло-
счастливая дверь открывалась, ребенок вжимался в маму и с
ужасом заклинал лифт поскорее открыться. Будучи в уют-
ном доме малышка боялась приближаться к входной двери
и ненавидела родителя, когда та смотрела в глазок, прикос-
нувшись к замку. Ее гнев определялся глубинным страхом
и нежеланием, чтобы мама пострадала. Ночью Легран муча-
ли кошмары, в которых женщина все же открывала дверь и
оказывалась из раза в раз зверски убитой. Иная вариация
ужасных сновидений включала в себя лабиринты без выхо-
да, где лестницы превращались в туннели, ведущие в никуда.
В другой раз все вокруг охватывалось пламенем, языки ко-
торого тянулись словно магнитом к ногам Касио. Но лучше
всего она помнила, как неизвестные женщины с псориазом
и бородавками на руках и лице манили зайти в гости и, со-
вершая раковую ошибку, выбраться из их паучьих сетей бо-
лее не оказывалось возможным. Иногда в объятиях Морфея
девушка возвращалась домой, где вместо чего-то теплого и
родно ее встречала послевоенная разруха и низенькая хруп-
кая старушка-бродяжка, притворяющаяся ее новой матерью.
И даже после переезда Легран все также виделась ночами с
прежней квартирой, которая словно живая твердила об оби-
дах через разгром внутри нее. По утрам Кас подолгу не мог-
ла отличить вымысел от реальности, изрядно паниковала и
боялась, что навсегда останется в этом бескрасочном мире.
Пугающие сновидения откладывались в ее памяти столь хо-

рошо, что спустя десятки лет она могла воспроизвести их в мельчайших подробностях.

Идея посетить неоднозначное и некогда родное место появилась у Легран как никогда спонтанно. Она словно вошла в кураж, начав закрывать постепенно застарелые гештальты один за другим. Быть может, энергия влюбленности создала в ней невиданный механизм, генерирующий храбрость и убивающий скуку? Девушка страстно желала заглянуть за завесу тайн: для чего и почему она все еще страшится обычного городка и такого распространенного явления как наркомания? Кто знает, возможно, тот лысый барон уже покоится в могилке или чахнет в тюремной камере. Полная решительности Касио начала собираться в дорогу, рассчитав, что к вечеру вернется к толстому пушистику, наглядевшись на водоемы, парки и аллеи Гриньи. Сегодня ее ждала важная миссия: взглянуть на город как на друга, а не вражеское создание, стремящееся поглотить ее приподнятое настроение. Путь до коммуны оказался почти спокойным за исключением духоты в автобусе и забавной картины, связанной с человеческой агрессивностью. Пышная женщина, разозлившаяся на шуплого мужчичку, села верхом на него за то, что тот якобы занял ее место. К счастью события разворачивались поодаль от улыбающейся девушки и довольно быстро завершились, когда уставший от беспредела мужчина выругался, словно сапожник, и вышел раньше нужной ему остановки. По правде говоря, Легран болела за него до последнего и в

момент его высадки немного приуныла.

Прогуливаясь по центральной части Гриньи, Кас любовалась зданиями в лучах солнца, которое приятно припекало макушку. Тут и там знакомые супермаркеты, точки быстрого питания и будто бы те же люди, хотя это, конечно, не так. Но почему-то при первом взгляде чудится, что абсолютно ничего вокруг не переменялось, словно время стоит на месте, и неважно строят ли люди здания, наполняется ли город новыми лицами, становятся ли выше деревья. Однако же, не бывает так, чтобы мир оставался неизменным – это противоречит законам мироздания. Легкий ветер не тешится над пропавшей в воспоминаниях Легран – он беспорядочно раздувает волосы и освежает рассудок. Все эти фасады таят за собой другую часть жизни, и, кажется, один из них, самый особенный, неистово мечтает повидаться с малышкой Касио. Вряд ли он знает, что когда та ступит на порог, он не признает ее, а сама девушка отречется от знакомых чувств к исхудалому домику поодаль от центральных тротуаров. К нему не нужно помнить дорогу, путь хранится на подкорках сознания. Уже виднеется несколько знакомых машин, совсем старых и побитых. Во дворе все еще неподвижно ждала любознательную подругу скрипучая ржавая качель. Теперь она казалась совсем крохотной, и девушка вряд ли бы смогла прокатиться на ней с ветерком, да и деревянная сидушка куда-то подевалась. Повернувшись лицом к дому, Легран отсчитала окна и остановилась на одном из последних. В нем виднелась за-

навеска, довольно потрепанная и невзрачная. Опустив глаза, Кас заметила знакомое лицо. Сердце замерло. Колебание. Девушка засомневалась, точно ли это была бывшая соседка, но когда та подошла к двери в подъезд, растерянность покинула чужеземку. Решительность. Жгучее желание зайти внутрь и побороть страхи детства.

Раньше в силу отличающегося мироощущения и маленького роста стены казались бесконечными, лестницы длиннее и опаснее, а окна, располагающиеся у самых потолков, более недосыгаемыми. В них и сейчас было сложно заглянуть, в таком случае очевидно, почему в детстве помещение ощущалось сродни тюремной камере. Странное щемящее чувство преследовало девушку, когда она осматривала до боли знакомое пространство. Больше десяти лет она вспоминала его, и каждый раз боялась, порой даже ощущала пробегающие бурной волной по телу мурашки. За ухоженностью и чистотой подъезда скрывалась безжизненность, а зеленый холодный цвет наполовину окрашенных стен навивал тоску.

С небольшой опаской Легран зашла в закуток, нажала на расплавленную кнопку и услышала зловещий скрежет. Приехавший лифт пригласил ступить внутрь, однако девушка лишь заглянула в него. Сердце сжалось от увиденных дыр в стенке, точно таких же какие видели ее пятилетние глаза, железная панель, исцарапанная острым предметом, с разными изжившими себя кнопками не изменилась сквозь годы. Вернувшись на лестничную площадку, Касио не торопясь под-

нималась выше. Одна из дверей особенно отличалась от других, в детстве она напоминала шкаф-купе. Наконец, оказавшись на шестом этаже, душа Легран затрепетала. Довольно непросто оказалось осознать, что окружающая среда – не декорации и уж тем более не сон. Знакомые детали призвали кроткую улыбку на лице незваной гостьи: след от долго лежавшего прежде коврика, пятно от оттертого с десятков лет назад матерью бранного слова на их двери и капли краски на бетоне. Легран долго смотрела на ручку родной двери и не могла понять, почему ей не хотелось взяться за нее, открыть и войти внутрь? Вероятно, она знала, что там не будет ничего так привычного для нее, а лишь обжитые точно во снах незнакомцами комнаты расстроят внутреннего ребенка. Это место не стоило улыбки, ровно также как не стоило и слез. Теперь оно уже не вызывало пугающих эмоций, наверное, потому что в сознании девушки слово «пустота» стало вечной ассоциацией для отчего дома. Пришла пора смириться, принять и забыть.

9. Тише милая, не плачь

По сырým каменистým дорогам

Раздаются эхом шаги.

Романтика вечера – друг монологам

В сочетании с чувством тоски.

Клод начал готовиться к встрече еще задолго до того, как вновь написал Касио. Дюваль репетировал в зеркале признание, временами ругая себя за глупость сказанных слов. У него никак не получалось подобрать правильную формулировку, чтобы красноречиво сообщить о любви.

– С кем ты разговариваешь, милый? – из-за двери спросила Роза.

Войдя в комнату, женщина так и не получила ответ. Клод иступлено смотрел на нее, выжидая, когда она продолжит разговор и тем самым избавит от неловкости.

– Я слышала имя Касио. Ты что собираешься с мыслями перед встречей? – под конец фразы ехидно посмеялась Роза, явно понимая, что застала Дюваля врасплох.

– От тебя ничего не утаить. Да, я немного не понимаю, как мне сказать все это. Я не хочу казаться глупым, а пока у меня получается именно так, – руки Клода самопроизвольно развились в стороны.

– Она давно тебя любит. Ты не будешь казаться ей глупым! Тем более ты так похорошел за этот год. Наверняка, завидев тебя, Касио так и потеряла дар речи. Просто не думай ни о чем, пускай все идет своим чередом. Здесь главное не нервничать! А если уж что-то пойдет не так, просто постарайся не концентрироваться на этом.

Клод улыбнулся матери, сказал несколько ласковых слов и, нежно обняв ее, поцеловал в лоб.

Поутру молодой человек уложил волосы гелем, надел лаконичный костюм, застегнул на рубашке пуговицы, включая самую последнюю, и тяжело выдохнул, надув при этом щеки. Но почему-то в зеркале он так и не видел уверенного в себе Дюваля, каким всегда был в обществе. Клод больше походил на подростка, впервые готовящегося признаться в чувствах. Иронично, но в этом была доля правды, так как до этого момента он никому кроме матери теплых слов не произносил. Теперь оставалось только купить какой-нибудь симпатичный букетик и отправиться прямиком на встречу.

Они договорились встретиться у дома Касио, что бы от туда направиться в ее любимое кафе, располагавшееся неподалеку. Клод задерживался на несколько минут, так как долго не мог определиться с композицией в цветочном магазине. В конечном счете, выбор пал на белые лилии, которые выглядели очень свежо и символично. Оказавшись в начале улицы, он заметил ожидающую его девушку, уткнувшуюся в экран телефона. Пока Дюваль был еще далеко, ему захо-

телось спрятать букет, чтобы Легран не сразу догадалась о его намерениях. И пока он выдумывал, как бы получше прикрыть нежные лилии, к Касио подошел неизвестный мужчина и протянул корзину с обилием пышных цветов. Растерявшись, девушка покачала головой, попрощалась с загадочным человеком и принялась рассматривать его дар. Немного сбившись с толку, она в замешательстве решила, что лучшей идеей будет поскорее занести его домой, тем более Клод опаздывал. От этой сцены мысли увидевшего все молодого человека спутались. Он с широко раскрытыми глазами наблюдал, как его возлюбленная с улыбкой на лице заходит обратно домой с букетом, который к слову выглядел куда лучше, чем его. Потоптавшись на месте, расстроенный Дюваль поспешил к ближайшему мусорному баку и, сосредоточив весь негатив на цветах, швырнул их к отходам.

Через несколько минут Касио вернулась на улицу и увидела перед собой давнего друга – стоял, как ни в чем не бывало. Стоило Клоду завидеть Легран, он сухо ее поприветствовал и сразу предложил прогуляться. Хотя каждый из них изо всех сил пытался таить, что происходило что-то не совсем ясное, в атмосфере царило напряжение. Касио прекрасно понимала, что корзина была не от идущего рядом Дюваля, и это было отличным поводом, чтобы дать ему понять, что ее точно не интересует романтическое продолжение их истории. Молодой человек всем своим видом показывал намерения: волос к волосу, все возможные пуговицы застегнуты, запах ед-

кого парфюма, блестящая от бальзама нижняя губа, руки в кулаках, пугливо посматривает на уста девушки и периодически почесывает какую-нибудь часть тела.

– Почему мы молчим? – слабо улыбнувшись, произнесла Легран.

– А ты хочешь что-то обсудить? – выпалил Клод.

– Я думала, ты хочешь. В конце концов, встретиться – была твоя идея.

– Все верно.

Далее последовало молчание. Неестественная, быть может, в какой-то степени накаленная обстановка изрядно раздражала Касио.

– Это ты прислал мне цветы?

– Какие цветы? – Дюваль старался изобразить искреннее удивление, но спросил он это все-таки до ужаса безэмоционально.

– Корзинку с розами и всякими другими... или это были эустомы?

– Нет. Это был кто-то другой, – Клод едва ли произнес эти слова сквозь зубы, казалось, что он сейчас буквально взорвется. – Это был кто-то другой, потому что свои лилии я выкинул прямо у твоего подъезда! Кас, я сейчас чувствую себя полнейшим идиотом! Я так долго думал, как мне все это преподнести. Я собирался с силами всю ночь! Репетировал как дурак перед зеркалом. И в итоге ты говоришь это?

Его голос то становился слишком высоким, то резко пе-

реходил в тихий и неуверенный. Девушке сделалось очень некомфортно, и она незаметно отошла чуть поодаль от разбушевавшегося Дюваля. Он отвел глаза на землю, потом начал сверлить ее взглядом, чтобы та почувствовала бурю его эмоций, после чего снова растеряно покосился вниз.

– Я понимаю, как глупо теперь выглядит эта ситуация. Ты ни в чем не виновата, нет. Просто нужно было сделать это раньше. Понимаешь, я не хочу делать тебя всему виной, просто у меня уже был план и вот сейчас, – вздохнул, – все разрушилось. Я хотел подарить тебе эти цветы, хотел, чтобы мы прошлись, и я потом бы все сказал. Понимаешь, все бы сказал... А потом бы поцеловал...

– Подожди! Пожалуйста, хватит! Приди в себя, расслабься. Ты очень нервничаешь.

– Как я могу расслабиться? Я думал: «вот он, тот самый момент свершился». И тут такая подстава!

– Ладно, – девушка перевела дух, – я понятия не имею, что ты сейчас чувствуешь. У меня уже есть молодой человек. Тем более я привыкла считать тебя другом, потому что все, что ты делал, способствовало этому. На прошлой встрече мы с тобой многое обсудили! Пожалуйста, прекрати это.

– Кас, я и правда почему-то думал, еще не поздно. Знаешь, я смотреть на тебя не могу. На твои губы, которые ты в прошлую встречу постоянно красила. Зачем ты это делала так часто? Я даже сейчас не могу нормально рядом идти! Мимо меня столько девушек проходит, многие хотели быть

со мной, но я ни к одной ничего не чувствую. Все время думаю о тебе. У меня так никого и не было за это время, потому что перед глазами ты. Только ты!

– Постой, у тебя серьезно никого не было? Никогда?

– Никогда. Я не могу начинать ничего, пока знаю, что между нами еще не все кончено.

Касио задумалась. В ее сердце все также не было откликов на слова Дюваля. Кажется, ее сильная любовь все-таки не была настолько стойкой, что бы пройти такой долгий путь. Сейчас ей хотелось сказать только одно:

– Клод, в таком случае, я думаю, нам стоит перестать общаться. Я понимаю, про что ты говоришь – это чувство незавершенности, как будто даже когда мы не общаемся, мы все равно близко друг к другу. Давай сделаем так, что сегодняшняя встреча будет последней, и мы больше с тобой никогда не увидимся. Или хотя бы в ближайшие несколько лет, а лучше десять, – слова давались ей сложнее, чем это должно было быть. – Ты, наконец-то, сможешь наладить свою личную жизнь, а я буду этому рада. Просто не вспоминай обо мне. Не забывай, но не думай. А я не буду думать о тебе.

– Ты же понимаешь, что это невозможно не думать друг о друге?

Они уже давно остановились на какой-то узенькой улице, где все их слова казались особенно громкими. Но только после вопроса, что задал Дюваль, больше не было никаких звуков. Они поняли, что это, похоже, в самом деле, был конец. И

тогда Касио вспомнила каждую мелочь: почему он нравился ей, что она чувствовала и как страдала. Клод уже был для нее не другом, не возлюбленным, а братом – так преобразилась тянущаяся годами любовь. Ее внутренняя сила разом иссякла.

– Только не плачь, пожалуйста. Не могу видеть твои слезы, – тихо произнес молодой человек.

Но девушка уже не могла остановиться. Ей хотелось коснуться его руки и обнять в последний раз, сделать это так, как много лет назад мечтала ее юная копия.

– Мне страшно говорить, – Касио сделала долгую паузу, пытаясь пересилить себя. – Я хочу это сделать ради себя маленькой. Пожалуйста, можно взять тебя за руку?

Продолжая обнимать, Клод осторожно обвил пальцами расслабленную руку Легран. Несколько минут они молча стояли, лишь изредка тишину прерывали всхлипы девушки, все еще пытающейся поверить в собственное предложение завершить долгую трепетную историю. А дальше настал конец. Дорога к любимому кафе Касио забылась. Осталось только два пути: один для Легран к ее дому, где ждал пушистый Максимильтен, а другой для Дюваля – к матушке Розе. Они попрощались, больше не сказав ни слова, и разошлись по разным тропам жизни.

10. Скука или без «к»

Вопрос практически решенный

На керосине загорелся вновь.

Похоже он умалишенный,

Раз пишет ей «моя любовь».

Вместо утреннего свежесваренного кофе на кухонном столе стояла открытая бутылка манящего ежевичного сидра. Хотелось провести день в размеренности и своеобразно отметить окончание эпопеи. Так необычно и приятно ощущать отстраненность и долгожданное завершение чего-то важного и одновременно тяготящего, что всегда было покрыто пеленой, сотканной из вопросов и интриг. Конечно, результатом подобного спокойствия стал мощный выхлоп накопившихся переживаний Касио по возвращению накануне домой. Вчера эмоциям было куда больше места, они заполнили разум и, в конечном счете, выплеснулись наружу. Девушка динамично почесывала живот Максимильена, распластавшегося на ее коленях, и смотрела в пустую стену. Осознание упущенных возможностей из-за глупости юности ранило в самое сердце. Тушь безобразно растеклась под глазами – внешний вид Легран оставлял желать лучшего. Сколько всего они могли успеть за безбожно пролетевшие годы? Как много можно бы-

ло сказать друг другу? Почему они так нелепо упустили тысячи касаний и совместных моментов? Именно это заставляло душу тонуть в слезах. Касио было до ужаса обидно за несправедливость по отношению к прошлой себе, измученной странной и бессмысленной любовью, которая лишь научила ее быть сдержаннее и сильнее. Но сейчас, в это тихое утреннее время, когда изредка за окном сигналили друг другу машины, застрявшие на узкой улице, спокойствие посетило сердце девушки, слабо улыбающейся в ответ своему умиротворению.

День обещал быть долгим и скучным, так как не был заранее распланирован. Касио хотела заполнить его какой-нибудь красочной встречей, например, с Жюлем, так хорошо справляющимся с ее тоской. Порой он напоминал ей антидепрессант, не обошедшийся, конечно, без побочных эффектов. Томá слишком часто всплывал в сознании Легран и не позволял ей полностью сосредоточиться на чем-либо еще. Казалось, что совсем скоро вдобавок к этому она почувствует привязанность, которая будет тяготить ее будни и заставлять угрюмо скучать о нем всякий раз, пока девушка будет одна. Это пугало как ничто больше. Это делало ее уязвимой. Однако сегодня Жюль был занят, поэтому Касио решила остаться в стенах дома в компании вялого кота.

После несколько часового бессмысленного листания новостной ленты, Легран обессиленно поднялась с кровати и поплелась к рабочему столу, где планировала немного вре-

мени посвятить творчеству, которым она занималась тогда, когда чувствовала совсем мало или наоборот изрядно много. Ее муза – печаль, утонченная, тихая и стеклянная. Правда, сегодня она совсем побледнела, отчего мысли путались и разбегались, а на выходе получалось что-то абсолютно сырое и скучное. Писать не получалось, удовольствия от этого не было, но девушка продолжала выдумывать новые и новые строки, желая таким образом пропустить монотонный затянувшийся день. Корзина с цветами, стоящая на письменном столе, время от времени привлекала внимание Касио. Она то и дело задумывалась от кого могла получить столь пышный презент. Что-то ей подсказывало, что это точно был Жюль. От этого на лице появлялась легкая улыбка, которую Легран, казалось, стеснялась. Быть может, ей не хотелось осознавать, что одни только мимолетные мысли о нем уже щекотали под ребрами, что означало – влюбилась.

К вечеру Тома освободился и написал коллеге, чтобы немного побеседовать на отвлеченные темы. Ему тоже хотелось абстрагироваться и сделать это именно в компании Касио. Девушке было неловко досаждать вопросами о цветах, которые все-таки могли не иметь никакого отношения к Жюлю, а быть, например, посланием от турецкого соседа Хасана, не упускающего возможности сделать комплимент всякий раз, когда они встречались на лестнице. Приятное спокойствие от переписки с коллегой сохранялась до тех пор, пока в идиллию незвано не вклинилось сообщение от Дю-

валя, в котором он приглашал Легран завтра на ужин в ее любимом кафе. Прочитав послание Клода, на лице появилось раздражение, сопровождаемое тяжелым вдохом. В голове девушки появлялось только два вопроса: зачем они вчера пришли к непростому решению, потратив много сил, и для чего она плакала, уткнувшись в его плечо, и мирилась с новой действительностью? Это приглашение опустило молодого человека еще ниже в глазах девушки. Она без каких либо раздумий ответила ему отказом и понадеялась, что впредь одумавшийся ухажер никогда не потревожит ее изменившийся мир, в котором ему, к сожалению или счастью, совсем не нашлось места. Однако упрямец не желал заканчивать переписку. Его следующее голосовое сообщение буквально вывело девушку из себя. С нотками наезда он спросил: «Что я реально главный козел, злодей, антагонист?» На этот умопомрачительный вопрос Легран ответила разъясняющим текстом, кои она очень любила. Но чем больше он писал, тем понятнее становилось девушке, что Дюваль просто издевается над ее чувствами. Тогда Касио заявила, что ему просто скучно, и она не хочет тешить его эго продолжением переписки. Вежливо попросила более ничего не отвечать и пожелала доброй ночи.

11. Колет Хартманн

Лицо, фигура – эталон!

Мужчины выстроились в эшелон.

Мудра, отчасти своенравна,

В быту она как полигон:

Когда пошутят ей забавно,

Но нахамивши, выйдут вон.

Прямолинейная красивая не по годам женщина, с присущей ее роду деятельности твердостью в решениях и угрюмостью в отношениях. Ее доминирующий характер искусно завоевывает сердца мягких и покорных мужчин, мечтающих тонуть в грезах и упоении. Противоречащие темпераменту мягкие черты, округлый овал лица и подвивающиеся густые волосы с редкой сединой создавали впечатление милой и кроткой женщины, которая на самом деле вершила судьбы других людей в зале суда. Ее манера речи временами казалась загадочной, зато, когда Колет рассказывала истории, люди постоянно отмечали артистизм и чуткость передачи образов. Правда Касио правдоподобность пародий очень часто раздражала, и она старалась избегать материнской любви к эмоциональным повествованиям. С возрастом рост Хартманн несколько уменьшился, а фигура слегка пополнила, что

еще лучше скрывало сильную и напористую натуру женщины. Признаться честно, Колет достойна восхищения не только из-за хорошо сохранившегося внешнего вида, но и из-за проделанного пути по тернистой карьерной лестнице. Многие строили козни за ее спиной: недоброжелатели устраивали ситуации, из которых, казалось, нельзя выбраться, однако мудрая Хартманн находила лазейки для каждого случая. Порой в этом ей помогала развитая интуиция и умение разбираться в людях, что, правда, не спасло ее от нескольких бракоразводных процессов. К счастью, сейчас Колет проживала в Германии, разделяя быт со вторым мужем Паулем и младшей дочерью Греттой. Касио было известно мало об отношениях внутри семьи, однако она полагала, что в ней было куда больше взаимопонимания и уюта, чем когда-то в их совместном с Колет доме. Пауля девушка видела всего дважды: на торжественной свадьбе матери и на праздновании рождения младшей Хартманн. В тот день на девочку Легран смотрела с упоением, представляя ее будущую жизнь, в которой, она надеялась, не будет места недопониманию и эмоциональному насилию. Ее желание было услышано – отношение Колет к ребенку сильно отличалось, хотя порой она все также срывалась, но делала это куда реже. Гретта чувствовала особую неразрывную связь с матерью, являющейся для нее примером для подражания. Время от времени Касио звонила сестре по видеосвязи, справляясь о ее подростковой жизни. Когда девушка приезжала в Кёльн, она с нетерпением ожида-

ла встречи в первую очередь с Греттой, потому что та всегда воодушевляла своей беззаботностью и отвлеченностью, чего так часто не хватало самой Легран. Колет же излишне донимала вопросами о личной жизни, была чрезмерно тактильна и паниковала, когда что-то в жизни Касио казалось ей сомнительным. Это раздражало и заставляло испытывать странное чувство, в свою очередь отдаляющее дочь от матери. Девушке хотелось ощущать исключительно позитивные эмоции от редких встреч, однако она все еще не могла отпустить все, что происходило с ней в прошлом.

Хартманн была прекрасным кулинаром, правда ворчливым и неосторожным, из-за чего она часто ранилась и бранилась. Когда они жили вместе, Легран всегда помогала заклеить пластырем появившуюся рану, пока мама охала и проклинала то, чем она нанесла себе увечье. Часто Колет говорила, что мощная энергетика дочери, сидящей неподалеку, была тому виной. Однако неважно, что приключалось во время готовки – еда всякий раз вызывала большой аппетит и восхищала вкусовые рецепторы. Особенно сильно девушка любила лазанью, которую они с матерью готовили на каждый День Святого Сильвестра, едва успевая к завершению года.

Колет довелось пережить тяжелые времена, когда благополучное будущее было исключительно в ее хрупких руках. Пройдя через огонь, воду и медные трубы, она сумела обеспечить себя и семью всем необходимым для комфортной жизни. На пике карьеры женщина приобретала дорогие

одежды и украшения, путешествовала по миру, сменила место жительства и купила новый автомобиль, вызывающий зависть у мужчин, пафосно сидящих в салонах своих прокуренных консервных банок. Популярность, обсуждения и восхищение – успех, о котором всегда мечтала сильная духом Хартманн. Не осталась в стороне и дочь, которой Колет устраивала роскошные праздники, дарила подарки и одевала в универмагах. В материальном плане девочка никогда не испытывала никаких проблем, за что сейчас она безусловно крайне благодарна матери.

Эта на первый взгляд всемогущая женщина когда-то давно пережила раннюю смерть кормилица семьи, из-за чего приняла поистине не девичье решение помочь матери содержать семью. Продавала цветы и херес на рынке, торговала золотом и домашними тапочками, мыла полы в захудалых зданиях и работала воспитателем в детском саду. Вдобавок ко всему прочему параллельно успевала получать образование по профессии, которая в будущем изменит ее жизнь. Именно исключительная стойкость духа и действительно не женская выдержка способствовали становлению непоколебимой репутации Колет. Ее не могла взять коррупция: чувство долга и ответственность плечом к плечу шли вместе с Хартманн на протяжении всей карьеры. Что говорить об отношениях со старшей дочерью, они складывались с переменным успехом. В детстве, несмотря на частое отсутствие дома из-за активной рабочей деятельности, между матерью и дочкой су-

ществовала некая связь, как и положено иметь ребенку с родителем. Колет коллекционировала рисунки Касио, рука не поднималась выкинуть ни один из них. Правда, женщину изрядно тревожило обилие черного и темно-синего цветов на творениях чада. Тогда еще представительница фамилии Легран нанимала лучших нянь для опеки над ребенком, устраивала дочь в разные кружки, чтобы та могла сполна осознать, что наиболее близко лежит к душе, возила на море и покупала лучшие игрушки. Хартманн переживала тяжелое расставание с мужем, но старалась не транслировать эмоции при малышке. Она полагала, что уж лучше не появиться на глазах у дочери, пока не сумеет совладать с горечью, так ярко видневшейся в глазах. Но ребенок чувствовал и иногда появлялся не в нужный момент не в том месте. В такие минуты Колет не владела эмоциями и своим не самым жизнерадостным и добрым поведением наносила Касио порцию вреда, которая со временем почему-то разрасталась в своем количестве. В любом случае Хартманн точно бы никогда не попала в список «плохих мам», ведь она старалась настолько, сколько позволяла ее свободолобивая и властная натура, так как она умела и могла.

12. Дождь на набережной

*Сердцу, поглощенному страстью,
По колено лужи и дожди,
Оно стремится быть во власти
Красивой искренней любви.*

Выходной день встретил дождливой погодой, хорошо подходящей под настроение Касио. Ей было лениво и скучно. Кот в точности как хозяйка распластался на кровати, прислушиваясь к звуку капель, бьющихся о подоконник. Без любимого торшера, придающего своим светом уюта, дом казался угрюмым. Пропустить день жизни, лежа в холодной постели, совсем не хотелось, поэтому девушка поспешила выдумать себе какое-нибудь расчудесное дело, которое бы исправило это пропащее утро. Задавшись вопросом чего бы ей хотелось, Легран сразу приняла решение написать Жюлю. Их последняя встреча воодушевила ее и наполнила желанием бороться с меланхолией. Она хотела вновь почувствовать себя радостной и забыться, в чем ей прекрасно помогла бы компания коллеги и вкуснейшего сидра.

К большому счастью у Тома отсутствовали какие-либо планы, поэтому Легран уже готовилась к встрече. Ее совсем не пугало намокнуть под дождем, возможно, заболеть и про-

лежать неделю дома, вспоминая о приятно касающемся лица дожде и мокрых растрепанных волосах. Зонтик, казалось, уже покрылся пылью, потому что его существование девушка игнорировала всякий раз, когда проливной дождь грозился испортить ее прическу и макияж. Воздух из приоткрытого маленького окошка согревал кожу, а значит, погода была куда лучше, чем выглядела. Хотелось надеть что-нибудь мешковатое, чтобы было удобно сидеть на каменистой поверхности набережной с бутылочкой сидра и обсуждать что-нибудь непринужденное, ловя наслаждение от романтической обстановки опустелого города.

Через несколько часов молодые люди прогуливались по мостовой, беседуя о классической музыке и современном кинематографе. Людей практически не было, только юная пара пылко целовалась под дождем, периодически прерываясь, чтобы улыбнуться друг другу, глядя в глаза. Они выглядели крайне беззаботными и счастливыми, будто весь город и в частности этот умеренный дождь как воины служили их свободе и безрассудству. Молодые остались позади, вместе с полупечальной улыбкой Касио. Томá повествовал о чем-то с сигаретой в руке, активно жестикулируя, словно впечатленный ребенок, рассказывающий о поездке в Дисней Ленд. Но девушка давно потеряла нить рассуждений Жюля, она наблюдала за мимикой его лица и намокшими ресницами – длинными и густыми. Было что-то завораживающее в его глазах, то и дело ищущих подтверждения своим словам

в лице девушки. Легран в свою очередь оставалось только надеется, что он не замечал, как внимательно и пристально она наблюдала за всеми его движениями.

Каждый раз, выпивая алкоголь, Кас сначала ощущала приятное состояние легкости, но когда эффект исчезал, сознание погружалось в море задумчивости, где волны воспоминаний обреченно бились о подобие каменной скалы. У этого состояния была особая грань между печалью и светлой грустью. И когда девушка терялась в своем мирке, приятели никогда не могли понять, что с ней происходило, и начинали немного переживать.

Томá сделал несколько антуражных фотографий, а потом нажал кнопку записи и настроил камеру так, чтобы в кадре поместились оба. Легран демонстративно глотнула оставшийся на доньшке напиток и закурилась, ловя как можно больше капель, падающих к ней с самых небес. Она снова смогла почувствовать безмятежность в присутствии Жюля, так часто обворожительно улыбающегося и задорно смеющегося.

Когда настало время разойтись, девушка ощутила хорошо знакомое чувство огорчения. Ей хотелось провести больше времени вместе с коллегой, но, к сожалению, это было не в ее силах. Томá удалялся все дальше в темноту, оставляя Касию наедине с множеством мыслей. Она слабо улыбнулась ему вслед и направилась к входной двери своего дома.

Включив свет, Касию увидела кота, свернувшегося у нее

на подушке. Он пошевелил ухом и продолжил сладко дремать, игнорируя любые звуки. Несмотря на желание побыть с Жюлем чуть дольше, девушка все равно ощущала тепло на душе. Она скорее ждала завтрашнего дня, чтобы вновь увидеть приятеля и поблагодарить его за скрашенный донне-серый день. Однако в попытке уснуть сердце забилось быстрее – это Легран предалась думам, не подлежащим забвению. Прошлое настигало ее практически всякий раз, когда девушка оставалась наедине с собой, а уж тем более, если за окном смеркалось. Но сегодня был редкий случай, когда рука потянулась к бумаге, лежащий в прикроватной тумбе. Эти назойливые мысли мечталось законспектировать, причем делать это стоило также быстро, как и записывать школьный диктант. Подобрал подходящий аккомпанемент, Кас уселась за письменным столом.

«Занятно, что железные пивные крышки с острыми краями ассоциируются с теплой летней романтикой, свободой и юностью. Место им не в мусорном баке, а в сильно сжатой руке, так, что костяшки белеют. Ностальгирующее сердце бьется быстрее обычного, но, кажется, вскоре остановится. Одиночеству друг музыка. Уже не так тихо и от того менее страшно находится наедине с собой. Озорные и смущенные улыбки перед глазами тешутся над опечаленной душой. Знакомые места наполняются проекциями – людьми, с которыми я когда-то фланировала по здешним просторам. Куда не глянешь – везде не хватает до мурашек важных людей,

будто навсегда застрявших в голове. Но в суровых реалиях приходится привыкать, погружаясь в мир сумрачных воспоминаний. На фоне этого проблема одиночества превращается в нечто более осязаемое, да настолько невыносимое, что становится необходимым искать от него спасение. Для этого человечество выдумало причудливые сайты, специализирующиеся на знакомствах. Мечтая разрушить стены гнетущего уединения, я прибегла к интернет-знакомствам. Однако совсем скоро поняла, что это порочный круг, где бегство от ностальгии и одиночества методом приобретения новых знакомств приводит к все тем же печальным соло прогулкам. Правда, избавиться от привычки выбирать временных «друзей» оказалось совсем непросто, и теперь я стабильно посещаю подобные сайты в периоды очередных разочарований и излишнего погружения в собственные думы. Порой там действительно можно встретить интересных людей – настоящих философов, мечтательных сказочников, чудаковатых личностей, хороших слушателей и, конечно, озабоченных придурков. Никак без этого. Не столь важно, какие они, главное – отвлечься, наблюдая за примитивными выходками или наслаждаясь их высокоинтеллектуальным обществом. Некоторые мои свидания с интернет-незнакомцами, конечно, приводили к романтике, где было место и ощущению нужности, и поддержке, но любое интригующее развитие отношений рано или поздно заканчивалось, что в большинстве случаев не так сильно расстраивало меня, ведь подобные концовки

уже до ужаса заурядны и скучны. Я бы искренне удивилась, если бы из этого получилось что-то действительно стоящее, что, конечно, больше звучит как фантастика. На место одних приходят другие, и вот уже их с десяток. Пару раз моргнуть – сорок. Ощущаю себя коллекционером, который, правда, уже изрядно заскучал от однообразия экспонатов. Не первый год идет, а дело это все не оканчивается, лишь число анкет для листания прибавляет в количестве. От обилия randevu и различных эмоций последующие встречи с новыми людьми становятся все больше предсказуемыми и пресными. Иногда появлялись исключения – те, кто зажигают мою повседневность. Но когда такие ребята уходят, мир снова становится горьким и неярким. Порой чудится, что мое существование – игра, по окончании которой начнется настоящая жизнь. Но я знаю, правда в том, что может это действительно и игра, только вот после нее не будет ничего, никаких вторых попыток. Подобные вещи угнетают».

13. Будни

*Внимательность, чуткость и интерес –
Для легкой улыбки есть повод.*

*Жюль словно спустился с могучих небес
Разбить утомляющий довод.*

Время ланча. Леви, Касио и Жюль обедали в излюбленном кафе неподалеку от «Архитектурного». Хейз жадно уплетал пасту в сливочном соусе. Он всегда ел неосторожно и быстро, будто кто-то грозился отнять у него еду. Томá же, напротив, трапезничал размеренно, растягивая удовольствие. Его изящные пальцы держали приборы по правилам этикета. А Легран в свою очередь оказалась между – она совершенно не заморачивалась о правилах, но при этом ела аккуратно и вполне себе мило, временами облизываясь от наслаждения.

– Черт! Я опять запачкал рубашку, – расстроено заявил Леви и поспешил удалиться в уборную, дабы исправить положение.

Оставшиеся за столом коллеги переглянулись и тихо посмеялись, наблюдая за отдаляющейся спиной Хейза.

– Наконец-то ты улыбнулась впервые за сегодня, – внимательно смотря на девушку, произнес Жюль. – У тебя все в

порядке?

– Все нормально. Немного устала. Сегодня слишком большой объем работы, а я совсем не выспалась, – Касио старалась улыбаться, отвечая на вопрос Тома, однако получилось у нее это довольно неестественно.

– Если что-то тебя тревожит, можешь рассказать мне. Конечно, только если будет такая нужда.

– Спасибо, – Касио вяло улыбнулась, поджав губы, и опустила глаза.

Они молча продолжили доедать пищу, пока не вернулся Леви с огромным затертым пятном на животе.

– У меня будет небольшой праздник в честь годовщины с Катариной в эту субботу. Будет много вина, как ты любишь, Жюль. Кэти обещала сготовить вяленую утиную грудку! – на этой фразе он демонстративно закусил губу и прикрыл глаза. – В общем, еды будет много, а на развлечение оставим карточные игры. Со ставками, конечно!

– Шумная компания соберется? – спросила Касио.

– Будет человек двенадцать. В основном спокойные пары – друзья Катарины и несколько холостяков с моего прошлого издательства, чтобы ты тоже не скучала, пока Жюль будет уповать над моей винной коллекцией, – Леви похлопал молодого человека по плечу, тяжело вздохнул и, встав из-за стола, завершил обед. – Жду вас обязательно! А сейчас позвольте мне удалиться, чтобы решить парочку наискучнейших деловых вопросов.

До работы оставалось еще немного времени, которого бы вполне хватило на небольшую прогулку по округе. Ноги Касио нехотя плелись по направлению к ближайшей скамье под большим ветвистым деревом. Девушка неохотно слушала монолог Тома, усердно пытающегося скрасить тишину. Когда он надолго замолчал, Легран подняла уставшие глаза на его лицо и увидела, как он сочувствующе уставился на нее. В этом взгляде так и читалось: «скажи, если что-то случилось». По истечению минуты томная леди заговорила, что почему-то давалось ей довольно непросто:

– Я не совсем понимаю, что именно меня тяготит. Или понимаю, но не смогу сказать об этом. Давай просто опустим этот момент. Я скоро приду в себя.

Вместо слов Тома пододвинулся к осунувшейся девушке и аккуратно приобнял ее за плечи. От такого жеста на душе потеплело, и мир вокруг вмиг стал казаться чуточку светлее. Его касание – все, что было нужно расстроенной Легран, для того чтобы ощутить облегчение. Касио была приятна мужская забота и интерес к ее чувствам, которого так часто недоставало. Она много раз замечала, как противоположный пол тянуло к ее телу – сексуальному и изящному. Но кроме красоты они не видели ничего, им было наплевать на ее проблемы и перемены настроения. Таких она стремительно устраняла из жизни, так как в основе комфортных для девушки отношений лежали платонические чувства, а не эротические потребности.

Рабочий день выдался тяжелым и запутанным. Полная луна казалась очень близкой, будто до нее можно было дотронуться, стоило только вытянуть руку через окошко. Касио сидела на кухонном табурете, оперевшись на колени. Задумавшись о чем-то далеком, она уставилась в одну точку. Из мыслей ее выдернуло мяуканье кота, наблюдавшего за хозяйкой подле ее ног. Девушка взглянула на Максимильена и, сделав усилие, подняла упитанного друга в теплые объятия. Пускай он редко был активным и игривым, в трудные моменты всегда оказывался рядом. Легран ценила его уютное мурчание, осознанный понимающий взгляд и то, как он ластился, всякий раз, когда ей было непросто справиться с жизненными обстоятельствами. Пушистому созданию можно было рассказать все, что душе угодно, зная, что за этим не последует осуждение. К тому же Максимильен был отличным защитником и храбро сражался с крысами, изредка проникающими в жилье Касио. Подолгу отсутствуя дома, девушка скучала по тихому животному и представляла, как он сладко спит, свернувшись на ее подушке, или неуклюже пытается запрыгнуть на окно, чтобы понаблюдать за спешащими прохожими. Теплый, мягкий, понимающий и спокойный – в этом был весь Макс.

14. Франк

На ошейнике в форме сердца медальон, да надпись скромная на нем:

«Я Франк – люблю своих хозяек, верните, если вдруг пропал»;

И номер чей-то телефонный гравюрный мастер написал.

От недавнего визита в Гриньи Касио часто начал вспоминаться образ почившего питомца. Светлые мысли о Франке омрачались осознанием, что порой Легран вела себя с ним жестко и несправедливо. Временами он раздражал ее активным поведением во время прогулок на поводке из-за того, что вырывался и от того громко кашлял. Будучи ребенком из-за боязни подъезда, Кас гуляла с собакой куда реже, чем то было необходимо, а когда они с матерью сменили место жительства, над девушкой брала верх лень, и она все также игнорировала нужды животного. Правда, чувство вины бесконечно гложимо ее, но в борьбе с рассудком бездействие все же оказывалось более могущественным. В любую грязную пору, например, осенью, брезгливость и все та же неистовая лень хозяйки превращали прогулки Франка в некую демоверсию, когда он, едва ли успевая справиться с задачами, оказывался ловко схваченным подмышку и вновь заточен-

ным в стены дома. А когда он все же умудрялся испачкаться, о животном иногда забывали на полчаса, пока он не издавал из прихожей протяжный вой, изъясняя желание, чтобы его, наконец, освободили от ненавистного поводка. Однако, у всякой монеты есть обратная сторона. Питомцу позволялось спать в теплых покоях своих хозяек, ему полагались самые дорогие корма и обилие игрушек. Особенно забавно йорк играл с воздушным шаром: животное мастерски отбивало его мордочкой, виляло хвостом и задорно лаяло. Франк всегда ходил с исключительными новаторскими прическами, бантиками и разноцветными резинками. Часто он лакомился красной рыбой и дорогостоящим сыром, подворовывая со стола, когда никто не видел. Правда, спустя время это повлияло на его здоровье, так как порода йоркширский терьер подвержена панкреатиту, да и в целом довольно прихотлива в уходе. Лохматый житель отличался сообразительностью: если ему хотелось потрапезничать, он ловко двигал миску для еды, так что по всему дому разносился протяжный противный скрежет и вскоре к его лапам сыпался вкуснейший сытный корм. А при виде расчески принимался наворачивать круги вокруг Касио, мечтая ощутить блаженное почесывание в районе уха и подле левой лапы. Но всякая беззаботность имеет свойства оканчиваться. Постарев, Франк начал страдать от недержания из-за чего по квартире сплошь и рядом валялись пеленки, которые он, к слову, частенько игнорировал. Его уже нельзя было пригласить

шать на совместный сон и уж тем более лишать частых прогулок. Конечно, о выходах на улицу следовало думать ранее, ведь вполне вероятно, что причиной недуга стал именно их недостаток. Однако то было полбеды – на одиннадцатом году жизни Франку поставили смертельный диагноз. Быть может, он ощущал собственную ненужность или чувствовал, как досаждает недержанием домашним. Зимним вечером Легран спускалась по лестнице, неся на руках йорка. Она гладила его по шее, шептала добрые слова. В последнее время девушка стала как никогда часто задумываться о надлежащем отношении к питомцу и ошибках прошлого. Пока Касио перебирала седую шерстку, почувствовала уплотнение. Она ощупывала его до тех пор, пока собака не издала жалобный писк. Франк и раньше любил быть актером, когда утрировал происходящее и привлекал всеобщее внимание прихрамыванием или звучным скулением. Но сейчас что-то точно подсказывало Легран, что проблема действительно существовала, и следовало принять срочные меры.

Пару месяцев спустя по квартире уже не бегал озорной пес и не лаял на соседей за дверью. Он неподвижно ждал конца в своей плюшевой конуре, изредка поднимая уши и прислушиваясь к шумам. Касио заказала лежанку еще до того, как узнала о серьезном заболевании друга детства. Если бы только она знала, что это будет последний для него подарок... Франк изрядно похудел, перестал есть и пить, уже не мог ходить по прямой – всегда заваливался на правый бок.

Он походил на бездомного оголодавшего пса, которого измучили жестокие уличные мальчишки. И только шея его была до ужаса упитанна – беспощадная опухоль разрослась в хрупком теле. Чтобы в организм поступала хотя бы какая-то часть суточной нормы пищи и жидкости, Колет приходилось вводить приготовленные кашицы через пасть с помощью шприца. «Мама, мы больше не должны держать его», – Касио приговаривала Франка к финалу, осознавая неизбежность его смерти. Она видела в его глазах желание умереть: они больше не слезились, а только неестественно сохли. Тело источало неприятный запах, а в дыхании слышался шипящий свист.

Легран аккуратно положила лежак с животным на подоконник, так что солнце подсвечивало его шерсть. Девушка присела на уровне мордочки животного, подавляя отвращение от неприятного запаха. Он смотрел сквозь нее: возможно, думал, что же ждет его дальше и будет ли вообще что-то после? Касио начала тихо извиняться, боясь коснуться изнеможенного тела, что желало поскорее сбросить оковы обременительной жизни:

«Я была не лучшей хозяйкой. Прости меня, пожалуйста, за то, что так мало гуляла с тобой, что постоянно раздражалась и что мама била тебя. Мне очень жаль, что она вымещала агрессию на тебе, и что ты так часто ощущал себя ненужным. Я никогда не буду любить других животных также как тебя. Я раскаиваюсь, что была такой никудышной хозяйкой.

Но знай, что я люблю тебя, Франк! Люблю».

Девушка вглядывалась в глаза собаки настолько глубоко, что казалось, видела, как плакал маленький щенок внутри него, страстно желающий остаться вместе со своим миром – несомненно, любимыми с рождения Касио и Колет. Еще минут десять Легран обещала другу, что вскоре ему станет легче, он больше не будет чувствовать боль в теле, жажду и тяжесть дыхания; пройдет совсем немного и впредь ему не нужно будет страдать в ожидании прогулок, испытывать страх перед Колет в гневе и переживать от отсутствия внимания. Девушка хотела, чтобы он не скучал и не боялся, но, наверное, Франк уже ничего не слышал и не понимал из-за разросшейся злокачественной опухоли.

В минуты последних вздохов собаки, сопровождаемых душным сопением, Касио держала ее исхудалую лапку. Большие черные глаза постепенно закрывались под действием усыпительных препаратов, которые, как хотелось верить, являлись далеко не смертью, а только новым началом. В тусклом свете белой подвальной комнаты Легран ощущала, как из тела животного выходит душа: его лапа обмякла, неровное дыхание прекратилось, ресницы робко опустились, а живот перестал неравномерно вздуваться. Вокруг губ Касио кожа покраснела, из носа безобразно стекали сопли, а затуманенный взгляд омывался нескончаемыми слезами, все больше и больше набирающими обороты. На столе теперь уже лежал не Франк, а лишь плоть божьего творения. Внутри у

девушки что-то разрывалось, но она знала, что так проще всем, что это было неизбежно. По крайней мере, она хотела в это верить.

В тот день Легран посчитала нужным отделиться от семьи – не хотела ехать вместе с матерью к родственникам в нелюбимый город и демонстрировать отекавший красный нос и трясущиеся руки. После короткой прогулки в центре города в шоковом состоянии она направилась домой. Несколько раз выходила из вагона поезда, садилась на скамью и, скрываясь под головным убором, позволяла едва сдерживаемым слезам оказаться на воле. Она смотрела на фотографию, сделанную пару месяцев назад специально для того дня, когда неминуемое придёт в исполнение, и понимала: все, что у нее осталось – экран телефона, холодный и бездушный. За окном зима, угрюмая и душная. 15 февраля.

На протяжении года после гибели Франка, Касио часто снились сны с его участием. Сначала сюжет их заключался в одном: пес выражал недовольство и порой вел себя совершенно агрессивно. Он мог превратиться в громадного черного питбуля, держащего клыками Касио за ногу, отчего она просыпалась, ощущая жгучую судорогу в месте укуса. Порой питомец беспрерывно смотрел на нее спящую, а когда девушка якобы просыпалась и закутывалась от страха одеялом, он оказывался на ее матрасе. Так получалась своеобразная петля, заставляющая Легран думать, что она просыпается вновь и вновь, однако на деле все это был бесконечный

сон. Временами пес не хотел, чтобы хозяйка касалась его, боязливо рычал или убегал с поджатым хвостом. Однако чем больше времени проходило со дня смерти йорка, тем дружелюбнее он становился в ночных фильмах Касио. Начиналось все с позволения погладить себя и просьбы дать полакомиться. Позже, Легран уже могла брать его на руки, а однажды собака даже спасла ее от бешеных дворняг, неизвестным образом проникнувших в дом. Сны были их местом встреч, неважно воссоздавало ли сердце образ почившего друга или же это действительно ее Франк приходил в астрале.

Спустя 15 месяцев девушке довелось в последний раз повидаться с впредь ушедшим навсегда из ее жизни животным. В сновидении перед Легран раскинулся знакомый пошарпанный дом, в одной из квартир которого она прожила все свое детство. Касио шагала вслед за бабушкой, которая по воле фантазии так же жила в этом здании. Они поднялись наверх, и женщина отворила узкую дверь в свою квартирку. Внутри было невыносимо душно и жарко, в маленьком пространстве едва ли можно было развернуться, что порождало отголоски клаустрофобии. Немудрено, что девушке поскорее захотелось покинуть комнату, напичканную мебелью до предела. Цветовая палитра сновидения оставляла желать лучшего: словно Петербург Достоевского из «Преступления и наказания» снизошел со страниц книги в ночную киноленту какой-то заурядной особы. Желтые, оранжевые и охристые оттенки пропитывали Легран чувством незащищенно-

сти, заставляли легкие сжиматься, а пот выступать на лбу. Помедлив Кас еще чуть-чуть, обморок непременно настиг бы ее бледное тело, однако она сумела вовремя сориентироваться и покинуть комнату, пока женщина искала что-то в одной из темных коричневых тумб. Судя по раздающимся вздохам и возгласам, она пыталась найти какой-то ключ. Немного позже пожилая мадам и внучка покинули подъезд и прошли вдоль строения до одного из соседних входов. Легран ни за что не забудет эти железные двери родного дома, с которым у нее, увы, сложились противоречивые отношения. Зайдя внутрь, девушка ожидала столкнуться с очередными угрозами, однако в этот раз путь до квартиры оказался благополучным – без стресса и паники в напарниках. Когда ключ провернулся несколько раз, и пространство внутри квартиры поглотилось всеобъемлющей тишиной, внимание Кас почему-то сосредоточилось на двери-гармошке, ведущей в просторную комнату Колет. Что-то неизвестное и таинственное манило девушку в солнечную спальню. И как только она зашла, все встало на свои места: на застеленном белоснежным пастельным бельем диване девушка увидела здорового и еще совсем маленького Франка. Он глядел на нее без доли обиды и звал скорее вместе порезвиться в лучах дневного мягкого света. Хозяйка без раздумий бросилась к собаке, принялась чесать живот и ласкать добрыми словами его наострившиеся ушки. Казалось, что еще мгновение и из груди выйдут потоки яркого сияния, исходящего пря-

миком из склеившегося по кусочкам раненого сердца. В момент полной благодати, Легран ощущала себя ребенком, совсем не знающим печали и жестокости этого неоднозначного мира, будто прежние тяготы никогда и вовсе не существовали. С кухни доносился голос молодой Хартманн, болтающей о чем-то с бабушкой. Колет звучала особенно: бархатно и ласково. Касио взглянула на руки, которые оказались неожиданно маленькими, точно у шестилетней девочки. Проронив от удивления короткую фразу, девушка с изумлением заметила, что и голос ее стал совсем тоненьким. Но едва ли она успела понять, что вернулась на годы назад, поток мыслей прервала стремительно приближающаяся материнская речь. В комнату вошла улыбающаяся Колет. Она подняла дочь на руки и приветливо о чем-то заговорила. В эти поистине сладкие секунды сон предательски оборвался. Легран проснулась, ощущая, как сердце ее медленно и болезненно разрывается на части. Так страшно оставаться наедине с реальностью, в которой большинство людей чуждо, и только меланхолия сохраняет свою ненужную преданность, а перед глазами все стоит застывшая контрастная картина... Кас не поднималась с постели еще минут пятнадцать, беззащитно всхлипывая, наполняя подушку слезами беспомощности и безмерной тоски. А когда выглянула в окно, чтобы ветер охладил разгоряченные щеки, девушка увидела особенное солнце. Точнее сказать, для всех светило было самым что ни на есть обычным, но Легран казалось, что оно сияло как в

сновидении, в которое так страстно ей желалось вернуться вновь. Своим светом оно освещало мир так, что краски воспринимались ярче, словно в детстве, когда все вокруг выглядело абсолютно иначе – насыщеннее и живее.

С тех пор Франк прекратил посещать сознание девушки по ночам, начал постепенно исчезал из ее памяти, оставляя за собой лишь тонкий след испачканных лап, потому что теперь, он, наверняка, был свободен и гулял столько, сколько мечталось его беззаботной душе, резвился в траве и глубоко вдыхал райский воздух.

15. Дом Хейза

*В компании душиной рыжей особы
Мечтается выйти на уличный зов.
Намного приятней при виде зазнобы
Ловить глазами черты облаков.*

Сложно было понять, как поместилось больше десятка приглашенных людей в маленькой квартирке Леви, где каждый свободный угол был заставлен предметами быта. Стоило только Касио переступить порог, она сразу ощутила резкий аромат женского парфюма. Девушка недолюбливала подобные яркие запахи, потому что из-за них ей безжалостно что-то начинало щекотать в носу, и вдобавок ко всему голова тяжелела и неприятно побаливала. Видно было, что хозяйка старались наилучшим образом прибраться к ужину, однако, как и полагается в доме, где живет ребенок, повсюду натыкаешься на напоминания о том, что здесь действительно поселилось дитя. У основания зеркала покрыто крохотными отпечатками пальцев, заметно, что стены разукрашены фломастерами, несмотря на то, что кто-то хорошенько пытался оттереть это безобразие. Стоит ли упоминать об обилии детских игрушек и различных шампуней в ванной комнате? Издержки семейной жизни... Вероятно, сегодня для

Хейзов был редкий день, ведь маленького хозяина отправили на попечительство бабушки. Катарина оказалась крайне приятной девушкой, которую правда почему-то очень хотелось пожалеть. На ее румянном лице заметно отражалась усталость от обилия домашних дел и сотен тяжелых ночей возле детской кроватки. Помнится, Леви рассказывал о ее послеродовой депрессии и бессоннице. Но вряд ли Катарина хотела бы знать о том, как сильно заметны ее недосыпы. Хейз же был напротив очень эмоционален и возбужден. Сейчас как никогда хорошо чувствовался его доминирующий внутренний ребенок. Касию вновь взглянула на Катарину и захотела снова ее мысленно пожалеть, однако искренняя и восторженная улыбка девушки, с какой она глядела на мужа, остановила Легран.

В компании незнакомцев Кас ощущала себя не слишком комфортно. Она все ждала, когда раздастся звонок и к ужину присоединится задерживающийся Жюль, между тем пробуя гастрономические шедевры Кэти. С каждой секундой девушка все больше понимала природу восторженных рассказов Леви о кулинарных способностях возлюбленной. Из всех присутствующих Легран запомнила всего несколько имен: Аврил и Луи, недавно обрученная пара, и рано полысевший холостяк Каспар, питающий особую страсть к канапе, которых к слову осталось всего две штуки. За противоположным концом стола сидел источник головной боли – рыжеволосая бестия, очень звонко хохочущая с совершенно несмешных

анекдотов. Если бы только она знала, как отравляют вечер Касио ее духи! От смеха этой особы становилось вдвойне душно, отчего Легран решила выйти проветриться на балкон. Прохладный воздух приятно ласкал кожу. Внизу громко спорили две пожилые женщины. Одна твердила, что ее внук вовсе не курит, когда другая доказывала, что видела его еще утром на этой самой скамье вальяжно рассеявшегося с сигаретой в руке. «Но ему всего 12, Люси!» – истерично закричала старушка. Однако интерес к их дискуссии иссяк ровно тогда, когда девушка заметила быстро шагающего Тома с бутылкой вина и каким-то крафтовым пакетиком в руке. Легран выкрикнула его имя и яростно замахала, чтобы тот наверняка ее увидел. Жюль радостно поприветствовал в ответ с тлеющим окурком между пальцев.

Теперь обстановка вокруг заметно изменилась. Рядом с молодым человеком девушка ощущала себя спокойной, начала вставлять любимые пикантные шутки и между делом не переставала напоминать Каспару о том, что он лишил ее удовольствия попробовать канапе. Позже начались карточные игры. Женщины к тому моменту перемесились в гостиную обсуждать тонкости материнства и замужнюю жизнь. С мужчинами осталась лишь Касио, которая была не прочь испытать удачу. Главное, что стоило помнить – необходимо вовремя закончить. Следуя интуиции, Легран остановилась после третьей партии, добавив в свой бюджет 24€. Через две игры Леви оказался в лидерах – 86€, тогда как Жюль

предпочел выйти во избежание минуса. «2€ тоже деньги, Жюль!» – ехидно посмеиваясь, подметил один из игроков. Через несколько минут он печально завыл, осознав, что ставить все на кон – худшая из идей его жизни. Рыжеволосая барышня прибежала успокаивать мужа, что означало – Касио вновь следует проветриться.

Конечно, за ней последовал Жюль, горячо желающий перекурить после напряженной игры. Они вышли во двор, где с первого этажа пахло сгоревшей едой, отчего, казалось, вот-вот начнет крутить живот. Поэтому молодые люди решили прогуляться по округе в поисках какого-нибудь романтического и приятного места.

– Неплохо играешь. Я мог бы сказать, что это всего лишь везение, но не буду, ведь оно тоже не со всеми случается, – начал диалог Тома́.

– Удача всегда была на моей стороне, – Касио коротко улыбнулась и вспомнила лицо ошарашенного мужчины, оставшегося в дураках перед их уходом.

– Ты принес очень вкусные птифуры². Жаль, что Каспар съел почти все. У него видимо особая любовь к крохотной еде. Ты бы видел, как он уплетал канапе! – девушка тихонько засмеялась, ей на мгновение показалось, что она и впрямь целый вечер только что и шутила над холостяком.

Но то, что она говорила, почему-то мало интересовало мо-

---

² Птифур – небольшое сдобное печенье, как правило, продающееся набором из разных сортов изделий.

лодого человека, он немного запрокинул голову и, наблюдая за звездами, создал облако дыма, которое стремительно рассеялось. У него была очень красивая шея, лунный свет превосходно подчеркивал кадык. Легран замерла, задумалась. Жюль опустил голову и взглянул на девушку. Касио изучала коллегу, не замечая, что тот наблюдает за ее блуждающим взглядом. Она опомнилась, только когда его теплые губы коснулись мочки уха. Он бархатно прошептал: «Ты сегодня очень красивая». Потом медленно отстранился. Девушка напряглась, ей не хотелось упускать этот момент. Будто услышав ее мысли, молодой человек спрятал выпавшую на лицо Легран прядь волос к остальным и неторопливо приблизился к малиновым губам визави. Сначала он не спешил, хотел ощутить ее вкус. Сладкая. Слишком. Поцелуй недолго оставался нежным и трепетным. Вскоре он переменялся в нечто страстное и глубокое. Касио перебирала кудри Тома, тянулась к нему навстречу. Горький вкус выкуренной им сигареты вскоре исчез, позволив полностью насладиться моментом. Жюль крепко прижимал к себе, становился все более и более напористым, что раскрывало его тайное давнее желание. Когда ланиты девушки совсем разгорячились, долгому поцелую пришел черед окончиться. Однако они не стремились отдалиться друг от друга. Легран нежно обхватила спину молодого человека и уткнулась в теплую грудь. Приятное поглаживание волос сильной мужской рукой постепенно умирало ее быстро бьющееся сердце.

16. За закрытым ртом

*Случай, кажется, нестрашный
Порождает крик немой;
А водитель бесшабашный
Создает словесный бой.*

Из-за череды мелких неприятностей и больших событий в «Архитектурном» случился самый настоящий аврал. В городе разрушилась крупная историческая постройка, в результате чего погибло 11 человек, участвующих в реконструкции. Актуально, масштабно, трагично – идеальный материал для успешной реализации тиража. Но для достойного результата корреспондентам необходимо было проделать огромную работу: провести собственное расследование, пообщавшись с архитекторами, изучить почву прошлых лет, добыть фотоматериал и, конечно, написать цепляющую статью с не менее интригующим заголовком. Однако, ситуация обострялась из-за отсутствия ключевых сотрудников, слегших друг за другом словно домино с температурой 39. Хуже того мог быть только строчный отъезд главного редактора по необычайно важным деловым вопросам. Отделы старались выкладываться на полную, помогая друг другу, стоило только появиться свободной минутке. Это был единственный боль-

шой организм, не делящийся на фракции с разными уровнем ответственности и задачами. О происходившем в издательстве Касио узнавала исключительно от Хейза и Томá, упорно работающих во благо редакции. Девушка тем временем лечилась от одной из самых жутких болезней ее жизни. Озноб, увеличенные лимфоузлы, мучительная ломота в теле и, главным образом, распухший донельзя язычок – все это верные друзья ангины. Горло горело, перед каждым сглатыванием Легран подолгу собиралась с силами, а иногда и вообще предпочитала сплевывать в раковину, избегая острой колющей боли, от которой тело самопроизвольно сжималось. Питалась исключительно пюреобразной пищей и практически не разговаривала. Единственным облегчающим фактором была забота Томá, пару раз привезшего необходимые лекарства и нужные продукты. Зеленоватая кожа, слезящиеся глаза, растрепанные волосы и молчаливость Касио вызывали на его лице досаду – это и правда была не самая приятная картина. Изнеможенная девушка тихо благодарила коллегу за помощь и поскорее спроваживала за дверь, переживая за его здоровье. Лежа в полумертвом состоянии, Легран утешалась просмотром фильмов с Жаном Рено, удаляла ненужные фотографии из галереи и изредка вставала с кровати, чтобы выполнить рутинные дела: полоскала горло и заваривала чай. Кас уже неделю не пила кофе и от того ощущала себя паршиво. Варить божественный напиток в турке – ритуал, без которого день пойдет наперекосяк. Видимо именно по-

этому почти неделю состояние девушки безобразным образом ухудшалось. Изнеможенная Легран не чувствовала тело, казалось, все что у нее было – воспаленный язычок, ноющий и создающий свист при дыхании. Но к счастью, как только она, наконец, начала принимать антибиотики, стремительно пошла на поправку, пропустив, впрочем, долю увлекательной жизни в «Архитектурном».

За период болезни девушка изголодалась по общению и решила пригласить Селин на встречу, как только до конца оклемалась. Подруга вскоре собиралась полететь в Дубай по горячей путевке, потому для такого редкого в жизни события ей требовалось прикупить немного одежды: шорты, майки и главным образом новый купальник, потому что старый изрядно потрепался, а его пантеровый принт явно приелся и давно уже перестал подходить веяниям моды. В торговых центрах Касио была тем самым человеком, который при выходе из магазинов приводил системы безопасности в замешательство. Рамки истошно верещали и призывали охранников разобраться с потенциальной нарушительницей порядка. К сожалению, девушка никак не могла понять причины всего этого, она лишь дважды за жизнь находила источники своих проблем – несрезанные бирки с новой одежды из сторонних магазинов. Де Фрей выглядела счастливой, вероятно, предвкушала теплые лучи солнца на идеальном пляже в Арабских Эмиратах или приятные романтические вечера, что проведет вместе с возлюбленным. К слову все ку-

пальники сидели на ее роскошной фигуре шикарно: будь то минималистичные серые тряпки или пестрые бра с обилием веревочек и прилегающим к ним пончо. В конечном итоге выбрали нечто более спокойное во вкусе приземленной Селин. Легран сосредоточенная на подруге, все-таки не упустив мимолетное желание подыскать что-нибудь эдакое к следующей встрече с Томá. Она подобрала черное летящее платье-кимоно длиной выше колена и свободными, расширяющимися к запястью рукавами. Такая открытая чересчур женственная одежда оказывалась на теле девушки довольно редко, что, спроси любого, было огромной ошибкой! Конечно, шоппинг практически всегда пробуждает неистовое желание плотно подкрепиться, поэтому после энергозатратной прогулки по магазинам, девушки сошлись на мысли перекусить в каком-нибудь симпатичном заведении. Закинули пакеты в багажник старенького «Опеля» Селин, уселись в салон и включили на максимум старые песни Zaz.

– Ах ты, сука! – едва удержав руль, закричала Де Фрей.

Касио отключила музыку и уставилась на подругу. Она все еще не могла понять, произошло ли столкновение с другим авто или все благополучно, насколько это было возможно, обошлось? Не теряя ни секунды, отважная водительница выбралась из машины и поспешила навстречу к приближающемуся владельцу тюнингованной колымаги, только что бессовестно подрезавшей их. Селин не церемонилась и уж точно не подбирала слов, что вполне вероятно было не луч-

шей идеей: бородатый мужчина активно жестикулировал руками, вступив в словесную перепалку. Он явно имел пламенное желание нарваться на какой-нибудь конфликт – особенно борзый, лихо обгоняющий и резко перестраивающийся. Девушка вжалась в кресло, совсем не понимая, что ей следовало делать, ведь в подобной ситуации она оказалась впервые, да и вообще совсем не водила и мало разбиралась в правилах дорожного движения. Мимо проезжающие автомобили невольно уменьшали скорость, глаза на забавную картину с неделикатным гонором светловолосой барышни. Сначала оппонент комично обозвал ее редиской, но вскоре перешел на тяжелую артиллерию, которую Де Фрей грозно пресекла, злостно выпалив: «Закрой свой рот!» Услышав это, Легран побледнела, но не от того, что мужчина сжал кулаки, а лишь потому, что воспоминания потащили ее в свое темное царство. Девушка слабо помнила, как быстро и ловко Селин запрыгнула в машину и помчалась вперед, часто поворачивая на узкие улицы и пару раз проезжая на красный свет.

После случившегося в ресторан уже не хотелось, поэтому девушки зашли к Касио. Де Фрей обожала Максимильена, поэтому болтала о чем-то непринужденном с котом, пока подруга готовила им легкий ужин, состоящий из излюбленного нисуаза с консервированным тунцом. Легран все еще выглядела мрачно, в то время как бойкая водительница со смешком и даже неуместной веселостью вспоминала адреналино-

вую стычку. Благо, как позже выяснилось, «Опель» ни капли не пострадал, что, безусловно, не могло не радовать. Действительно потрепалось разве что моральное состояние девушки, меньше других участвующей в коллизии. Мой читатель, давай заберемся в голову к Касию и посмотрим ее воспоминание, словно отрывок из фильма?

Колет и дочь ехали по освещенному желтым светом городу, постепенно погружавшемуся в ночные объятия. Однако уют и благость заканчивались ровно там, где начинался салон автомобиля Хартманн. Разъяренная женщина не сдерживалась: упиваясь беспомощностью Легран, ощутив власть и доминирующее положение, она начала испытывать страсть к унижению, низкосортным матерным словам. Глаза горели адским пламенем, а мотор издавал громкий рев, напоминающий о полной свободе и об отсутствии каких-либо граней. Чувства других, неважно насколько близких людей, для этой женщины стали последним делом, пустяковой ерундой, как мошка, тихо жужжащая над ухом, которую без труда можно прихлопнуть в любой момент. Конечно, в большинстве случаев агрессия имеет под собой фундамент. Так, Колет и Касию ехали с приема врача, к которому девочка ходила по настоянию матери. И все бы ничего, если бы Легран не создала величайшую проблему всех веков и народов: она не отдала Хартманн зарядку для телефона, потому что сама нуждалась в ней, так как путь к доктору лежал через довольно небезопасный район. Мама, после того как докинула дочь

до метро, должна была отвести знакомой какую-то посылку, но не сделала этого, потому решила дожидаться ребенка, ведь без рабочего телефона она не знала бы, где находится ее чадо, и излишне бы испереживалась. Такая маленькая и неприятная вещь как зарядка стала причиной невыносимой ярости эмоционально незрелого родителя. Как только Кас села в машину после приема и захлопнула дверь, на нее обрушился шквал негодования и черной как смола ненависти. Замки защелкнулись, и автомобиль рванул по проспекту. Нетерпящая несправедливости девочка сперва попыталась отстоять собственные границы, однако вскоре с досадой сообразила, что попытки эти абсолютно ничтожны на фоне вышедшей из себя как никогда прежде матери. И вот она вцепилась в кресло, с ужасом глядя в лобовое стекло: мир вокруг, казалось, плыл, но на деле просто машина хаотично петляла из стороны в сторону по дорожным полосам. Легран пыталась игнорировать помои, льющиеся изо рта Хартманн, но каждое ее слово, будто кинжал, рассекало кожу, покрывшуюся мурашками. Девочка с редкими перерывами просила маму прекратить, но тихий ее голос оглушался одной единственной фразой, произнесенной уже с десятков раз: «Закрой свою пасть». И каждый раз, когда Колет будто чужим голосом выплевывала это, частички ее слюны попадали на белое как снег лицо Касио. Еще мгновение и от слез и частых всхлипов, раздражающих сошедшего с ума водителя, Легран бы задохнулась и, быть может, это было бы куда приятнее, чем

все, что происходило здесь и сейчас под звук сигналов проезжающих мимо авто. И всякий раз, когда машина останавливалась, девочка мечтала выбежать из этой адской колесницы и спрятаться в каком-нибудь темном дворе, где никто бы не видел ее трясущихся рук и не измывался бы над ее изрезанным кровоточащим сердцем. Но даже захлебываясь слезами, Кас думала логически: если она сейчас поддастся желанию, когда мама оклемается, наверняка, наложит санкции за побег. К концу тридцатиминутной поездки глаза Лэгран отекли, а настроение матери в корне переменялось: напевая что-то очень веселое и задорное, она припарковала машину и пошла в близлежащий магазин за вафлями и мороженым.

Еще примерно час-два Селин рассказывала подруге свежие сплетни, жаловалась на погрешности возлюбленного и уговаривала позволить перевезти горшки с цветами в дом Касио на время, пока уедет на полторы недели на отдых. Но та без конца отнекивалась и в итоге отвоевала свободу подоконника в спальне. Когда дверь за гостьей закрылась, девушка не смыв макияж и едва ли стянув с себя брюки, упала на кровать и через мгновение уже погрузилась в сон.

17. Салатовая комната

*Угрюмую и строгую одежду
Надев для храбрости на сеанс,
Легран истратила надежду,
Все так и не сумев поймать баланс.*

Переместимся на три года назад. Во всяком маленьком городе, как и большом, существуют потаенные уголки – целый мир соткан из подобных. Бывает, людные места столь проходимы, что противореча закономерностям, на самых видных местах располагаются совершенно чуждые и пустующие помещения, пускай они и имеют особую эстетику и таинственность атмосферы. Именно Касио довелось открыть дверцу в одно из таких поистине восхитительных простор, из-за чего впоследствии она навсегда заполучила кусочек сердца одинокого вестибюля на севере города. Девушке открылась огромная и вполне ухоженная площадка, выполненная в канонах модерна с бирюзовой кирпичной кладкой, в некоторых местах потрескавшейся от времени. Голова Легран кружилась от завораживающей красоты всякий раз, когда устремлялась вверх и глаза с любопытством цеплялись за детали. Высота потрясала разум, а обилие лепнин – многогранность цветовой палитры. Причудливые узоры прида-

вали помещению особого шарма, многолетние люстры и бра с завитками и ржавчиной, пошарпанная краска на лестничной площадке и резкие цветовые сочетания потрясали прихотливые очи. Не обошлось и без изысканных, но практически стертых витражей в седом вестибюле. Они из последних сил старались грациозно хранить кропотливую работу человеческих рук. Эти престарелые узоры зацепили Касио больше всего: они заговорили, заколдовали и навсегда похитили очарованное сердце девушки. С тех пор вестибюль, не выдавший частых гостей, наконец, обрел воздыхателя. Было сложно описать гамму чувств, которую Легран испытывала всякий раз, посещая и думая об архаичном пространстве. Подолгу отсутствуя в нем, что-то под грудью ныло и скучало, все чаще заставляя разум проецировать картинки в кинолентах сна, напоминаящие об излюбленном месте. Казалось, дыхание замирало вместе с движением времени, когда Касио сидела на ступенях или подоконнике в своеобразно обворожительном помещении. Для нее найденный уголок в пучине шумного торопливого города стал настоящим небесным подарком, вызывающим некоторую зависимость. Беспокойство и настороженность испытывала девушка всякий раз, касаясь ручки парадной двери: вдруг сегодня ее разлучат с любимой обителью, местом силы? Вдруг сегодня вход будет заперт? К сожалению, этому крохотному страху в один день суждено было воплотиться в реальность. Деревянную дверь покрыли безвкусно яркой краской, что походило на извращение, и за-

крыли от посторонних, а вокруг раскинулась летняя терраса с обилием столиков и слоняющихся между ними официантов: это означало, что пора одинокой романтики окончилась.

До этого прискорбного случая однажды в тиши пустеющего вестибюля, окутанного тьмой, капли, хлещущие по хрупкому стеклу, ласкали своей грубостью слух. Сначала удары ощущались резко и жестко, но постепенно становились привычнее и уже больше напоминали трепетную мелодию игривой природы. В тоскливых просторах бесшумно кружилась в размеренном танце девушка. Она ловко чувствовала ритм вечерней грозы, сотнями выпускающей из облаков задорные дождевики. На душе цвело безмолвие, которое Касио долго искала среди тернистых лабиринтов. Нельзя было обращаться с ним грубо или, что того хуже, чересчур нежно – казалось, что оно способно в миг раствориться в неизвестности, стоит только излишне сосредоточиться на этом таинственном ощущении. Однако, покинув это поистине восхитительное место, Легран потеряла нить, ведущую к умиротворению. Она перестала вспоминать вестибюль, потому что погрузилась в действительно страшное и разъедающее изнутри состояние. Вера в свет стремительно скрылась за пеленой смятения и удушающей уверенностью, что грядущее будущее обречено на бессмысленность. Такого болезненного чувства Кас еще не доводилось ощущать в своем бледном и осунувшемся теле. Она не выходила из дома неделю, высыпала коту весь корм в различные емкости, чтобы не умерить

Максимильена случайно голодом, и лишь изредка ела замороженные полуфабрикаты. В какой-то момент, когда чудилось, что до черного как смоль дна рукой подать, мир начал плыть, словно в бреду. И все что могла сделать Легран – медленно вывести корявыми графитовыми буквами слова, доносящиеся прямиком из души, что тлела, словно сигаретный окурок:

«...Черная комната. Тело в оковах. Плечи болят. Холодно. Ничего не видно. Тяжелые конечности тянут к сырой земле. Отчуждение. Потерянность. Ложусь. Закрываю глаза. Слезы. Нет. Они уже иссыкли. Хочу что-то сказать. Открываю рот – слова застряли в горле, мешают дышать. Страшно, но сил бояться остается все меньше. Сон. Хочется спать. Забыться. Слышу голос матери. Она хочет помочь. Я испытываю раздражение. В темноте ее не могу разглядеть. Она словно назойливая муха. Злюсь. Гоню ее. Больно за то, что срываюсь. Она покидает меня. Включается свет. Я вижу комнату. Лежу под одеялом не ощущаю собственное тело. Мне все также до ужаса горько. Ничего не чувствую. Только недовольство и бессилие. Плакать. Плакать. Плакать...»

Не забыть! Такое не забывают. Внутри собственной головы ее маленькая изнеможенная копия бежала, падала, спеша вскакивала, медленно шла, дрожа от ощущения, что мрак догоняет, и вновь развивала скорость, не оборачиваясь назад в надежде, что результаты прошлого и ее пессимизм останутся где-то там вдали. Тогда, три года назад, Касио, слов-

но по щелчку пальцев, провалилась в неизвестность и ровно также внезапно из нее вышла. Тогда девушка поняла, что гноящиеся уже слишком долго душевные раны требует перемен. Эта невыносимая мука, гнетущие и ломающие личность воспоминания загораживали путь к светлому завтра, поэтому, располагая хорошей денежной подушкой безопасности, девушка записалась на свой первый прием у психолога. По правде говоря, немного поддавалась предрассудкам, думала, что после первой сессии больше никогда не вернется в кабинет для оголения внутреннего мира и так и останется жить со своими тараканами. Однако этого не случилось, несмотря на то, что перед первой встречей со специалистом Легран ощущала легкий дискомфорт, старалась придать себе уверенности, рассевшись в широкой открытой позе и надев брючный костюм, делающий ее образ более строгим. Первое время на сеансах девушка тараторила, запинаясь от нехватки воздуха и иногда краснела. Все ее повествование звучало как описание сюжета какой-нибудь книги, но уж точно не как рассказ о глубинных переживаниях. Кас понимала, что сознание создает препятствия: оно будто бы обстрагивалось и делило события на те, что произошли с ним, и на те, что не имели никакого отношения к его действительности. Хотя все эти поистине травмирующие вещи являлись не только частью жизни Легран, но уже и ей самой.

Салатовые стены в кабинете психолога успокаивали, а сквозь жалюзи на небольшом окне проникал теплый свет.

Сидя на комфортном большом кожаном диване жемчужного цвета, девушка обожала обнимать однотонную подушку. Правда, она полагала, что всякий раз, когда делала так, психолог считывала дискомфорт, проявляющийся в этом незамысловатом действии. На стене висела забавная картина с девочкой-принцессой, тянущей руку к массивному бурому медведю. Легран представляла, как каждый, кто сидел на ее месте, видел особый смысл в этом творении. Она же считала, что главный посыл – помнить, что человек в силах приручить собственных демонов. В свою очередь, психолог выглядела довольно милостиво, с особенно гармонично сочетающейся одеждой и приятным в меру строгим бархатным голосом. Женщина умело управляла интонациями, что погружало в некое подобие транса, от чего хотелось довериться и поделиться всем самым сокровенным. Постепенно Касио начала ощущать, как сильно ей нравилось разговаривать с ней, даже если от этого первоначально не было пользы. Девушка знала, что выдержка, упорство и время – сподвижники результата в таком непростом деле как раскопки в глубинах сознания.

Так на протяжении четырех месяцев Легран практически каждую неделю приходила в этот уютный кабинет с необъяснимым желанием отпустить накопившиеся обиды и в поисках правильного пути. Манера повествования девушки выглядела крайне хаотичной: вспоминая одну историю, Кас перепрыгивала на другую, и это бы могло продолжаться бес-

конечно, если бы не ограниченное время сеансов. Она просто хотела успеть рассказать все, чтобы массив тягостной информации прекратил, наконец, беспощадно лезть в голову. Изначальной целью была проработка травм, связанных с натянутыми отношениями матери и дочери, но чем больше времени проходило, тем разнообразнее становились темы для обсуждений: неудачные отношения с парнями, отец, буллинг в школьные годы и, конечно, тотальное ощущение одиночества. Сначала стремительно зародилось стойкое чувство ненависти по отношению к Колет. Особенно разрослась эта опухоль после воспоминания из раннего детства. Кас было 4, когда они с матерью собирались выехать куда-то из дома, но процесс сей затягивался из-за того, что ребенок не хотел надевать платье – ему нужны были любимые штаны, что лежали среди грязного белья в барабане стиральной машинки. У Хартманн никак не получалось найти выход из ситуации, она наказывала дочери надевать что дают, но та, чуя нотки агрессии в недовольном голосе Колет, уползла под кровать. Тело девочки затекало от неудобной позы, но теперь почему-то было особенно боязно покидать убежище. Однако потом Легран не особо помнила, почему и как оказалась на кровати: ее тельце было сложено вдвое, на нем ощущалось что-то тяжелое и разъяренное. Кажется, это была ее любимая мама, что сидела сверху и прерывистыми движениями вдавливала маленькую голову в матрац. Ребенку не хватало воздуха, чтобы заставить Хартманн своим тоненьким

голоском вернуться к реальности, в которой она должна была оставаться мудрой, в которой она должна была защищать свое дитя. Эта тирания продолжалась порядка 1-2 минут, но для маленькой Легран ничтожное время казалось вечностью, в которой она была до ужаса беспомощной, обреченной на страдания и хрупкой. Поле этого видения из прошлого Кас впервые заплакала на приеме, она быстро уткнулась носом в ладони и постаралась как можно скорее усмирить непослушные слезы. Еще месяц эта хорошо известная картина появлялась в сознании девушки, но в ином образе – более реальном и болезненном. Она не могла смотреть в зеркало, потому что вместо привычного отражения взрослой особы, виделось ей исключительно крохотное личико своей детской копии с легким диатезом на щеках. Легран старательно пыталась улыбаться девочке, но почему-то из этого положения губ особенно легко начиналось плакать.

Однако в один день Касио всерьез задумалась о том, что эта череда воспоминаний о темной стороне Колет бестолкова – она будто приостанавливала прогресс, злость пожирала целиком, не оставляя и косточки. Каков смысл очернять мать в собственных глазах? Как можно концентрироваться только на негативных ее качествах и близиться к отречению? Сепарация случилась, вдалеке от женщины прежних конфликтов более не происходило, так зачем же ворошить прошлое? Самая главная проблема заключалась в неспособности или всего-навсего неготовности Легран к прожитию эмоций. Также

было и с другими историями о самых разных людях, встречающихся на ее пути. Девушка спрашивала психолога: «Почему я не чувствую, что что-то меняется? Я просто рассказываю Вам какие-то истории, а Вы их без конца слушаете, временами прося зацепиться за какую-нибудь деталь. Но ничего не происходит. Я все также похожа на комок нервов, который к тому же, видимо, любит заниматься самобичеванием». Специалист отвечала одно: «все ответы в Вашей голове, а я здесь для того, чтобы помочь их найти». Тогда Кас приходила к следующим выводам: она трепетно хранила тяжелые воспоминания, чтобы однажды вылить их в творчестве и достигнуть успеха или для того, чтобы взрастить в себе человека, который не будет нуждаться в других, ведь это так больно и неприятно из раза в раз оказываться ненужным. И все же что-то не позволяло прекратить посещение этого небольшого салатового кабинета. Девушка оставила тему матери и начала обсуждать проблемы личной жизни: почему отличного человека, которого мир называл прекрасным чутким собеседником, многогранной интересной личностью и просто красивой и умной девушкой, так крепко всегда обнимало одиночество? Она безуспешно задавалась вопросом: что же в мгновение ока уничтожает интерес молодых людей, безудержно твердящих о ее сексуальном стройном теле, красивых как никакие другие глазах, бархатном голосе, идеальном характере и отменном чувстве стиля? Почему почти каждый из представителей противоположного пола вокруг

нее был способен на изрядно мерзкие и порой даже дикие поступки? Когда-то Легран винила во всем исключительно себя, но, разглядев вторую сторону монеты, пришла к выводу, что она поистине прекрасна и пусть будет так, что все это сборище парней действительно виной тому, что происходило и так не нравилось девушке. Сначала очень странно было признавать, что десятки других людей неправы, а она одна ни в чем не повинна, однако вскоре Кас смогла найти объяснения поступкам молодых людей. А еще спустя время простая истина укоренилась в сознании девушки: никто не сможет относиться к ней лучше, чем она сама и нет такого человека, который был бы с ней и в горе и в радости на протяжении все жизни кроме как она сама. И именно поэтому она поклялась в верности убеждению, что никогда нельзя ставить себя под сомнение.

И теперь остался только один вопрос: почему же Касио перестала ходить к психологу? Возможно, девушка поняла, что ей все это чуждо, а, может быть, все-таки решила поставленные задачи. Она и сама точно не знала почему. Просто прекратила и все. Но в памяти Легран образ психолога отложился как нечто светлое и согревающее, что все-таки хотя бы чуточку, но перенаправило в нужное русло. Девушка хорошо помнила, как ее тихий и спокойный голос проводил практику, где Касио повстречалась со своим внутренним ребенком. Предварительно женщина включила медитационную музыку, дала покрывало и предложила, сняв крос-

совки, уютно прилечь на диване. Легран не знала наверняка, действительно ли тот восьмилетний светловолосый мальчик, которого она увидела, расслабившись на сеансе, был ее маленьким отражением. Он ничего не говорил, а только крепко обнял ее и надел тиару, а потом растворился и фиолетовым лучом устремился в небеса, оставив Касию на какое-то время с ощущением светлой печали и удовлетворения. Когда девушке было действительно хорошо на душе, мир становился иными и солнце светило непривычно ярко, а еще в радостные моменты Легран хотелось дарить людям символические подарки, поэтому на одной из последних встреч, с необъятным чувством благодарности она принесла коробку дорогих конфет психологу.

18. Отец ли призрак?

*«Привет доча, как дела?» –
Хотела Кас услышать от отца.
Но для него другая родила
Ребенка – сына-молодца.*

Внешне отец девушки был совершенно чуждым человеком, кровное родство выдавалось лишь в густых широких бровях, кои были у Касио и Гюстава. Высокий атлетического телосложения мужчина, правда, с давно уже поседевшими волосами выглядел крайне свежо для своего возраста. А каким он был в молодости... Точно французская копия Роберта Паттинсона! Легран называла папу отцом. Когда девушка была еще ребенком, и их общение не выглядело столь безобразно, они виделись хотя бы раз в несколько месяцев. Тогда мужчина просил называть его иначе – помягче. Но Касио почему-то очень нравилась эта строгость, будто бы она в полной мере отражала уровень их связи. В осознанном возрасте ей хотелось знать, что есть рядом тот самый заступник, который увидев слезы дочери, готов будет надрать обидчику зад. Но папа даже не знал, сколько разочарований в этой порой страшной жизни довелось прочувствовать его чаду. Он мог год прожить спокойно, не спросив как дела у его задорной

Кас, хотя та уже давно перестала быть такой же смешливой, какой виделась Гюставу. Периодически мужчина почему-то раздраженно отвечал на сообщения от носительницы его фамилии. Но Легран не оставляла попыток приблизиться к отцу хотя бы через его увлечения: он обожал играть в гольф или рыбачить, когда работы было не так много. Касио тоже вполне себе нравилось забивать шарики в лунку, поэтому она просила мужчину брать иногда ее с собой, чтобы он мастерски демонстрировал, как выглядят искусные гольфисты. Однажды на долю Легран выпала такая удивительная возможность. В тот день она ощущала себя совсем маленькой, хотя на деле это была уже шестнадцатилетняя девчонка, смотрящая на папу с искрой в глазах и старающаяся прислушиваться к каждому его совету по игре. Ей было важно, чтобы Гюставу понравилась ее компания – это бы значило, что они бы сыграли вместе вновь. Но, к сожалению, как бы Кас не старалась, это «вновь» так и не наступало. Просьбы взять ее с собой еще раз снова и снова отклонялись: то мужчина был слишком занят на работе, то проводил время со второй семьей. И особенно больно Легран почему-то становилось, когда в редких отцовских звонках она слышала, как родитель рассказывал о поездках на любительские турниры со своим сыном и как тот мастерски обыгрывал его друзей. Чем же была плоха Касио? Быть может, потому что напоминала Гюставу о Колет? Или просто она уже стала слишком взрослой и неинтересной, погрязла в рутине и навер-

няка имела разного рода проблемы? Устроившись на работу в издательство, из огромного количества статей девушка выбирала лучшие и отправляла мужчине с короткой подписью: «прочти, что я недавно написала, думаю, тебе понравится». Но слишком часто после этого сообщения в чате не появлялось ничего нового, а это значило, что папа снова был слишком занят, чтобы хотя бы пробежаться глазами, и написать что-то в духе «и правда, очень здорово». Однако утекающее сквозь пальцы время постепенно залечивало эти ссадины. Девушка все меньше и меньше искала попытки встретиться, позвонить или написать отцу.

Кас была уверена, что в детстве папа был нужен ей куда меньше, чем в более зрелом возрасте, но она точно ошибалась. Просто ее мозг любил тотально вытеснять болезненные ощущения, поэтому девушка смутно помнила свои ребяческие чувства во взаимоотношениях с Гюставом. Будучи маленькой девочкой, она постоянно слышала от Колет как плох и никудышен этот пропащий мужчина. И, конечно, Хартманн можно было понять – абьюз далеко не самая вкусная история. Однако ребенок ни в коем случае не должен был оказываться перетягиваемым канатом, ведь рано или поздно от напряжения он мог просто-напросто порваться. И все же Касию приходилось слышать о своем главном в жизни мужчине большое количество комментариев обиженной женщины, а через какое-то время и долю ненавистных сравнений. Легран хорошо помнила, как происходило знакомство с но-

вой женой отца. Эта дама старалась выглядеть дружелюбной, но веяло от нее лицемерием, к тому же Колет описывала ее как «противную бабу, непонятно откуда вылезшую». Маленькая защитница мамы, хоть и не в открытую, но все же проявляла некоторую неприязнь. С большой гордостью пятилетняя девочка вернулась домой, сообщила Хартманн, как не поцеловала руку той женщине на прощание, как отвернулась и ушла ждать папу рядом с его машиной. То было настоящим детским триумфом и проявлением безоговорочной преданности. Когда Легран подросла, начала фильтровать материнские слова насчет отца. Она уже не смотрела сквозь черно-белую призму и делала исключительно собственные выводы.

Как это часто бывало, в моменты меланхолии девушка разговаривала с телефоном. Ощущая расслабленность или раздраженность, Касио включала диктофон и изливала душу самой себе. Таким образом, никто не обесценивал переживания и не мог воспользоваться информацией в корыстных целях, например в споре. Часто девушка переслушивала содержимое аудиозаписей и вместе с тем смеялась или плакала. Эти душевные и эмоциональные рассказы имели удивительное свойство излечивать. В позапрошлом месяце в коллекции появилась новая дорожка, посвященная Гюставу Легран:

«Отец, тебя всегда было так мало. Я называю тебя отцом, хоть тебе и не нравится. Я знаю, что сначала ты не хотел ме-

ня и говорил делать маме аборт. Но вот я здесь, делюсь своей жизнью, хотя порой мне кажется, что тебе это не очень занимательно. Я назову тебя особенным и специфичным, ведь могу предугадать твои реакции на разные слова и действия, потому что ты живешь по скриптам, но совсем не знаю, что внутри, не знаю твоих мыслей, не знаю, где и как ты живешь и когда уже позвонишь мне просто так. Я привыкла, тебя почти нет в моей жизни, у нас нет связи, тебе будто неинтересно чем я дышу... Но ведь эта девушка есть часть тебя! Тебе неважно, каике стихи я пишу, для тебя давно не имеет значения какое у меня настроение. Папа, ты вообще знаешь, что у тебя есть дочь? Старость следует за тобой, я становлюсь старше. Ты все проспал».

19. После бокала красного случилось много прекрасного

*Горел не город и не небо, погрузившееся в сумрак дня,
А дева, наконец, искусно соблазняя
Влюбленного и страстного Тома.
И горячилась в венах застоявшаяся кровь,
Мечтая в недра свои поглотить любовь!*

Насладившись вкусом свежесваренного кофе, Касио начала собираться на вечернюю встречу. Она надела новое платье, подобрала туфли на девятисантиметровом каблучке и сумочку в тон черного платья. Образ завершила приглушенной красной помадой и распылила на тело свежий сладкий аромат. Облокотившись на тумбу, Легран окинула себя быстрым взглядом. Девушка представила, как безобразно и вместе с тем пылко сотрется эта яркая косметика с губ, когда она будет целовать Тома, крепко прижимаясь всем телом. А чтобы это скорее произошло, она подхватила лежащие рядом ключи и поспешила на выход.

С предвкушающей улыбкой девушка открыла дверцу такси и разместилась на заднем сидении. Приятный наружности мужчина в возрасте с комфортной манерой вождения до-

вез пассажирку до назначенного места за считанные минуты. Дверь приоткрылась, и встретивший на месте Жюль, протянул девушке руку, чтобы та аккуратно покинула авто. Сегодня ее ожидал новый необычный опыт: кинотеатр на крыше – выше только звездное небо. Томá хорошо чувствовал, какие вещи стоило надевать, для того, чтобы понравилось коллеге. Сегодня он выбрал полностью черное одеяние, практичное и все также лаконичное. Окинув молодого человека взглядом, девушка хитро улыбнулась – явно понравился его образ. Оказавшись на высшей точке здания, куда они с Жюлем пробрались через тайный ход небольшого ресторана израильской кухни, перед Касио раскрылся вид на пылающий мелкими огнями город, такое близкое черное небо и романтично украшенную крышу с обилием приземистых подсвечников и букетиком живых крохотных цветов в центре пространства. Девушка ожидала увидеть других людей на этой широкой крыше, однако их отсутствие ничуть не расстроило ее, а даже наоборот будто бы воодушевило. Пускай с кинотеатрами у Легран складывались исключительно неприятные отношения с тех пор как она начала ходить туда в компании парней, сегодняшней случай почему-то отличался. На бетонном полу лежали несколько пестрых ковров, по обе стороны от вместительного серого дивана располагались небольшие столики с какими-то вкусностями и бутылкой наверняка очень вкусного красного вина. А чтобы гости вечера не замерзли, кто-то аккуратно сложил парочку пледов под-

ле огромного экрана. Там же девушка заметила наргиле³. К слову прежде она никогда не курила и даже не использовала новомодные электронные сигареты. Однако компания привлекательного человека бессовестно развращала, наполняя желанием испробовать нечто новое. От увиденной красоты Кас заплутала в собственных эмоциях и только после того как неторопливо и внимательно осмотрела это удивительное место, не сдерживая улыбку обернулась к Томá. Он тоже выглядел крайне довольным, видя как спутница сияет. Когда Легран приблизилась к нему, чтобы обнять, Жюль поцеловал ее гладкую щеку, после чего обхватил за тонкую талию.

По натуре своей Касио была вполне любвеобильна и в сердцах желала отдать всю имеющуюся теплоту кому-то, кто показался бы ее достойным. И вот она видела перед собой начитанного и разностороннего бильярдера, точно умеющего следить за внешним видом и к тому же питающего неподдельный интерес к ее персоне. Безусловно, в объятиях ночного неба и с переплетенными пальцами смотреть фильм «Багровые реки» было крайне необычно и до мурашек приятно. Особенно тепло на душе становилось от мысли, что Жюль внимательно слушал ее болтовню год назад: он помнил, что девушка любила Жана Рено и особенно сильно детективы. Но насколько бы Легран не находила эту кинокартину привлекательной, рядом находился тот, кто был в де-

---

³ Наргиле – курительный прибор, сходный с кальяном, но имеющий, в отличие от него, длинный рукав вместо трубки.

сятки раз заманчивей, соблазнительней, пленительней, притягательней... Быть может, не стоило пробовать наргиле, да еще и с бокалом красного? Почему же?! Еще как стоило! Горячее дыхание Тома обжигало шею, длинные нежные поцелуи оставляли едва заметную синеву на тонкой коже, а руки девушки хаотично спутывали темные тяжелые кудри Жюля. Крепкие мужские руки жадно перетягивали ткань платья, пока вскоре оно не спало с плеча. Длинные пальцы с плохо скрываемой нетерпеливостью потянулись распуścić узел на поясе кимоно. Касио возбужденно прильнула к манящим губам и, наслаждаясь долгожданным мгновением, кротко прошептала имя коллеги. Она дотронулась горячей рукой его щеки, прервав поцелуй, прошлась ладностью по линии подбородка и осторожно коснулась большим пальцем влажным губ Тома. Он несколько секунд выжидающе смотрел на ее симметричную оголенную грудь, после чего, окончательно освободив от лишней одежды, усадил возлюбленную на колени и продолжил исследовать утонченное тело, постепенно опускаясь все ниже и ниже. Мягкая кожа Лэгран казалась такой же сладкой как изысканный бельгийский шоколад, а ее особенный запах и вовсе не поддавался сравнению. Когда Жюль коснулся внутренней поверхности бедра, девушка непроизвольно выгнулась и блаженно улыбнулась. Ночное небо вбирало в себя чувственные стоны Касио. Ее партнеру особенно нравилось, когда девушка тихо произносила его имя. Это значило, что его уверенные и вместе с тем неж-

ные движения действительно производили нужный эффект. Увлеченных друг другом молодых людей уже давно не заботило кино, и даже опрокинутая бутылка с вином, разливающимся по бетонному полу. Легран ощущала, как тепло расплывается по телу, то и дело бросала на коллегу игривый взгляд и наблюдала, как со лба Жюля стремительно стекали капли испарины. Они идеально сочетались темпераментами, из-за чего любовь выглядела и ощущалась гармоничной и безупречной. Работая вместе не один год, коллеги будто бы успели предельно чутко изучить один другого, что привело в конечном итоге к неземной и поэтичной близости.

Легран не хотела расставаться с Томá ни на мгновение, поэтому после окончания «кино» решили поехать к молодому человеку. Оттуда они вместе собирались отправиться на следующее утро в «Архитектурный», наконец, удивив Леви своим новым статусом, так быстро изменившимися отношениями. Жилище Жюля располагалось примерно в двадцати минутах езды от ресторана, через который они попал на крышу. Поднявшись на четвертый этаж, молодой человек отпер железную тяжелую дверь и пригласил растрепанную девушку войти. Когда свет озарил пространство вокруг, Легран не сдержала восхищенного вздоха. Три высоких арочных окна, коричневые диванчик и кресло напротив деревянной тумбы с виниловым проигрывателем и лотком с различными пластинками на ней придавали гостиной особенного уюта и гармоничности. Небольшой неброского охристого оттенка ков-

рик лежал в центре комнаты, правее располагался обеденный стол на четыре человека, где стояла железная тарелка с фруктами. Томá, попросив гостью чувствовать себя комфортно, направился на поиски вазы, а Касио продолжала с интересом рассматривать минималистичный интерьер с белыми стенами и декоративными люстрами. Девушка практически сразу поймала себя на мысли, что готова променять любимый витраж на эту восхитительную квартиру тем более, здесь она бы могла каждое утро просыпаться с чувством блаженства и слышать голос Жюля, осторожно шепчущего что-то на ухо или напевающего на кухне какую-нибудь легкую мелодию. Но предавшись мечтаниям на пару минут, Легран строго наказала себе прекратить распускаться, ведь человек – существо, которое способно на самые разные подлости. Пускай и не хотелось верить, что темноволосый красавец, так приятно ухаживающий за ней, может причинить нечто подобное и оказаться в списке под заголовком «Жизненные разочарования».

Ранним утром следующего дня Касио проснулась без будильника и раньше обнимающего ее во сне Томá. Почесав затылок и протяжно зевнув, она направилась в ванную, чтобы умыться прохладной водой. В зеркале заметила себя домашнюю и сначала испытала дезориентацию. Выглядела девушка свежо, несмотря на то, что еще и потрепанно. Окружающая среда казалась очень непривычной, поэтому Легран потратила какое-то время на то что бы понять, что все-та-

ки точно не спит, и вспомнить события минувшего вечера. Как только она свыклась с новой реальностью, уловила легкую дрожь в руках. Дышать будто бы стало чуточку тяжелее, а глаза стремительно начали наполняться слезами. Сначала Кас оперлась на раковину и попыталась с помощью пронзительного взгляда в отражении усмирить разбушевавшиеся эмоции, однако глаза и кожа вокруг губ как назло только сильнее краснели. Тогда ноги сами потянули ближе к полу: уткнувшись носом в колени, Легран обнимала себя и размеренно поглаживала по спине. Мышцы лица изрядно напряглись: брови собрались к центру, на лбу появились досаждающие морщинки, губы плотно прижались друг к другу. Касио сидела на ковре, сильно сжавшись и не издавая ни звука. Она вдруг ощутила себя до ужаса уязвимой и ранимой. Девушка не понимала, отчего же нахлынула эта волна безобразия и слабости, ведь она проснулась в уютных объятиях Жюля, с которым так много и долго по вечерам представляла теплые и часто пикантные истории; ведь она, наконец-то, расслабилась и перестала контролировать жизнь и руководствовалась сердцем, а не холодной рассудительностью. Наверное, Легран просто чувствовала, как неожиданно к ней на руки свалилось что-то такое хрупкое и удивительное, в поисках чего она проводила годы, для чего она меняла себя и отрекалась от ненужных людей, оставаясь в одиночестве. Да, ей все еще было страшно, что обретя на мгновение, она вновь потеряет это сокровище и на ладонях останется только

пепел. То была любовь и ощущение женской слабости.

Когда Кас вернулась в спальню, замерла, чтобы насмотреться на спящего Жюля. Неважно, сколько будет длиться их совместное счастье, девушка успеет насладиться даже минутой, даже если она просто будет смотреть на него издалека.

20.Отблеск

Под кристальным лунным светом

Погибает чей-то сын.

Отзеркален рикошетом -

Ощущает вкус глубин.

Прошло чуть больше месяца. Касио частенько посещала теплое жилище Тома́, постепенно оставляя у него женские вещи, безвозвратно завоевывая территории холостяцкой квартиры. Через раскрытую настежь входную дверь в обитель Жюля два приземистых доставщика заносили коробки, внутри которых хранилось долгожданное приобретение – концертное электронное фортепиано Yamaha. Глаза молодого человека горели, он едва ли сдерживал улыбку, изо всех сил стараясь выглядеть взрослым и серьезным, хотя его внутренний ребенок наверняка суетился и хотел прыгать от счастья. Тома́ переместил обеденный стол из гостиной на кухню, тем самым пожертвовал просторностью жилья. Он с нетерпением ждал, когда соберут его новый инструмент, чтобы порадовать себя и возлюбленную превосходной игрой, но только уже не в каком-нибудь ресторане, а в домашней обстановке. Молодой человек представлял, как в каждом уголке квартиры будут раздаваться чувственные

ноктюرنы, и какую романтическую атмосферу он сможет создать благодаря сочетанию классической музыки и расставленных всюду свечей после опустившегося за горизонт солнца. Эти сладкие думы Легран прочла во все том же возбужденном лице.

Через пару часов девушке позвонила взволнованная Селин. Она говорила загадками, словно хотела сделать сюрприз или, напротив, сообщить шокирующую и не самую приятную новость. Но пока Касио пыталась разобраться в природе ее противоречивых высказываний и странных интонаций, подруга уже добралась до главной новости, которую таинственно решила преподнести. Де Фрей ждала ребенка. И в этом не было ничего удивительного, ведь Селин была уже достаточно зрелой для того чтобы заводить семью, тем более давно мечтала об этом. Но тот факт, что эта свободолюбивая девушка, которую Легран знала больше полдесяток лет, скоро воспроизведет на свет свою маленькую копию, почему-то изрядно пугал. Безусловно, Кас шаблонно порадовалась счастием подруги, расспросила о реакции ее избранника и поинтересовалась, планируют ли они играть свадьбу. Как выяснилось ее мужчина, что был старше на шесть лет, сперва подумал, что это шутка, однако сопоставив в голове информацию, подхватил будущую маму на руки и закружил в танце. Правда, заключение брака не входило в их планы, так как пара считала, что это мероприятие не больше чем юридические нюансы, да еще и крайне затратная история. Несмотря

на то, что Легран имела иное мнение на этот счет, она поддержала подругу во всем и, положив трубку, поспешила рассказать Жюлю.

– А какую свадьбу хотела бы ты? – приобняв девушку, спросил Томá.

– Я представляю ее в готическом стиле: ты в черном костюме, я в черном платье, – охотно рассказывала девушка, – оно будет в меру изящным, но при этом с тонким намеком на мою темпераментность. Но я пока точно не знаю, в какой точке планеты хотела бы провести эту церемонию. Другое я знаю точно! Мы устроим большое празднование, а потом, если нам вдруг станет скучно – сбежим! – Кас говорила это театральной наивностью, явно придумывая на ходу последние подробности.

– Хорошо, обязательно сбежим!

Это заявление Легран звучало так нелепо и забавно, но в какой-то момент молодой человек задумался, что оно имеет долю смысла, ведь свадьбы и правда порой случаются довольно скучными.

Жюлю очень нравилось проводить время наедине со своей избранницей, он стал меньше встречаться с друзьями, которые обожали выпить и покурить кальян, а иногда и нечто с более нетривиальным эффектом. И такое поведение было непривычным для бильдредактора, ведь обычно отношения казались ему обременительными, быстро надоедали, а девушки начинали раздражать. Томá не то что бы нравился

подобный исход событий, скорее, он даже несколько разочаровывал, но прекратить подобные веяния сердца молодой человек просто-напросто не мог. Однако ему меньше всего хотелось, чтобы смерть влюбленности постигла и их отношения с Легран. И не только потому, что молодой человек устал от однотипного сценария, но из-за того, что успел узнать уже слишком важные подробности жизни его милой Кас.

В полвосьмого вечера того же дня девушка поднималась по лестнице в свою студию, чтобы забрать некоторую одежду, пачку корма для пару дней назад сменившего место жительства Максимильена, и за любимым кашемировым пледом, который мама когда-то прислала ей на день Рождения. Легран неторопливо наполняла вместительные мешки, которые позже на спину взвалит Томá. Вскоре расшумелся звонок, и Касио поспешила открыть дверь возлюбленному, который уже, судя по всему, успел купить парочку бутылок вкуснейшего полусухого сидра. Однако каково было изумление, когда на пороге она увидела совсем другую персону. Лицо Легран быстро исказилось и она, оторопев, спросила: «Что ты здесь делаешь?». Но незваный гость молчал, он без промедлений начал надвигаться на беззащитную девушку с каменным серым лицом. Сердце Кас бешено заколотилось, интуиция подсказывала, что ничего хорошего ждать не стоило – в воздухе витал странный горький запах. Девушка сосредоточилась на нем и вскоре цепочка рассуждений привела ее к выводу, что так пахнет смерть. Она глубоко вдохнула

этот спертый странный эфир и резко бросилась в кухонную зону. Легран быстро сняла самый большой увесистый нож, крепящийся к магнитному держателю, и обхватила его двумя руками. Девушка всегда внимательно относилась к заточке приспособлений, коими резала овощи и мясо, что в данном случае было очень кстати. В полуприседе она суматошно начала перебирать мысли, неровно и шумно дыша сквозь напряженные губы. В голове назойливыми мухами крутились вопросы: «Зачем он пришел? Где Жюль? Способна ли я на убийство? Тюрьма? Куда лучше вставить нож?» И стоило только источнику опасности порывисто сделать выпад в сторону напуганной и находящейся в состоянии аффекта Касио, случилось нечто жуткое: нож с адским грохотом упал на плитку, а за ним после немой сцены повалилось и тело. Словно гранатовый сок из разбитой стеклянной банки растекалась по полу алая молодая кровь. Так долго человек растет, столько ресурсов потребляет, ходит на работу или учебу каждый день, а потом в один момент перестает дышать и оказывается замураванным в сырой земле. Что это, если не насмешки всемогущих высших сил, указывающих людям на их беспомощность, ничтожность и примитивность? Ах, эти бездонные карие глаза...

Сквозь приоткрытую входную дверь раздался звук приближающихся шагов и тихонько бьющихся друг о друга бутылок. Жюль настороженно коснулся ручки и, войдя в помещение, мгновенно замер. Его венозные руки вдруг ослабели,

и пакет со спиртным бесцеремонно полетел на землю, после чего раздался протяжный звук разбивающихся стекляшек и полный ужаса голос: «Кас!» Томá бросился в сторону бездыханного тела и с глазами полными шока прошептал: «Что ты с ним сделала? Кто это?» Не дожидаясь ответа, молодой человек вскочил, судорожно вытащил столовую ложку из висящего на стене ведерка с приборами и второпях приложил ее к ноздрям человека, не подающего никаких признаков жизни. Не дышит. Мгновением позже Жюль бросился к замку – он запер дверь, несколько раз дернул ручку и схватился за голову. Руки Легран до запястья были измазаны в чужой крови. Ее кухонный тесак лишил жизни человека. Девушка неподвижно сидела на грязном полу, облокотившись на шкаф. Она только что убила свою первую любовь. Она только что убила Клода. Сухие женские губы задрожали, зубы начали биться друг о друга с такой силой, что казалось, будто вскоре по ним пробегутся сотни трещин. Обескураженный Томá при виде истошного немого крика Касио, происходившего как в замедленной съемке, откинул к черту надуманное и бросился к ней. Он взял девушку на руки и перенес на ковер в углу спальной зоны подальше от трупа, так что Легран видела только раскинувшиеся в разные стороны носы туфель Дюваля. Жюль крепко прижал к себе юную убийцу, и что-то тихо напевая, без остановки гладил по спине и покачивался. Заслонив ее от мира, времени и реальности, сам смотрел на красное стекло витража и на взошедшую из-за

горизонта алюю луну, а по щекам его текли слезы.

В сознании Кас застыл момент гибели друга: в туловище Клода три дыры, из которых стремительно начинала сочиться кровь, глухой хрип, громкое падение, глаза бегали из стороны в сторону, изредка останавливаясь на девушке в поисках помощи и, быть может, надежды. Дюваль испытывал животный страх, понимая, что смерть дышит ему в лицо. Он боялся и не хотел уходить. Однако в одно короткое мгновение его взгляд застыл, но не из-за того, что тот умер, а потому что ему вдруг стало предельно безразлично. Клод невероятно, как никогда в жизни хотел одного – спать. Касио обхватила умирающего модельера под шей и за руку и, неразборчиво что-то говоря, начала нервно поглаживать ослабевающую ладонь. А потом, когда тихое прерывистое дыхание прекратилось, девушка немедленно отскочила и в ужасе забилась в угол.

Через пару десятков минут Легран все еще не могла говорить и толком не шевелилась, но Томá понимал, что просто не может позволить себе продолжать бездействовать. Он не знал ни одной подробности, но точно соображал, что окровавленное тело в студии не вписывалось в интерьер, а красные лужи уже стремительно затекали в труднодоступные места. Жюль вымыл руки, побежал в ванную, нашел там швабру и тряпки, бросил их в центре студии, один за другим начал открывать кухонные шкафы в поисках мусорных пакетов, а когда обнаружил, начал торопливо раскладывать их в длин-

ную линию на чистом участке. После этих незамысловатых действий соучастник преступления перевалил на созданную подстилку тело незнакомца. На глаза молодого человека попался перочинный нож, который валялся в отдалении от места событий и был совершенно чистым. Тогда в сознании все прояснилось: «Эта сволочь пришла за Легран». До того беззвучно наблюдающая Касио неожиданно заговорила:

– Это Клод. Я любила его, – она произносила это по буквам, едва ли соединяя в слоги, – а он меня?

Жюль отвлекся, подошел к девушке и взял ее за руки:

– Послушай, он не любил тебя! Он пришел убить, – молодой человек исподлобья глубоко заглянул в глаза возлюбленной, четко проговаривая каждое слово. – Мы должны что-то с этим делать. Мы должны спрятать его труп, нам нужно здесь все убрать. Слышишь?

– Но ведь это я его убила... Тебе не нужно... Ты не должен почувствовать в этом. Уходи! Сдай меня! Скажи, что ты ничего не делал! – Легран начала срываться и переходить то на крик, то на тихое мычание.

Томá поднес руку к ее рту и тем самым прекратил глупые фразы – он уже все решил, и отступить не намерен. Молодой человек поднял девушку под руки и повел к раковине отмывать безобразие из-под ногтей.

Когда за окном стояла непробудная тьма и только бездомные собаки редко скулили, Жюль пригнал машину к выходу из дома Касио, после чего без лишних действий взобрался

на верхний этаж, закинул на плечо замотанное в десятки пакетов склеенных между собой скотчем тело Дюваля и снова устремился вниз. Касио словно тень следовала за ним, после того как осторожно повернула несколько раз ключ в замке. Сердца обоих колотились в диком темпе, молчание прерывалось лишь ревом мотора. Они ехали за город, чтобы привязать камни к кульку и сбросить его в водоем.

Окруженная синевой ночи с проблесками лунного света на воде и под гулкое пение свободных птиц в густых приземистых деревьях девушка помогала переместить тело бывшего друга ближе к берегу, после чего начала искать крупные влажные камни. Все также используя скотч, Жюль надежно обмотал полученные булыжники вдоль и поперек вокруг вещественного доказательства, которое, будь оно успешно спрятано, отгородит пару от тюремной камеры. Тем временем в голову к Касио начали забираться странные мысли: Достаточно ли глубоко здесь, для того чтобы Клода никто не нашел? Хорошее ли это место для того, чтобы утонуть? Она сняла кроссовки, носки и джинсы и шагнула в воду. Берег был очень мелким, но ступив еще пару раз, тело девушки неожиданно затянулось под воду. На звук короткого всплеска обернулся Жюль. Он с ужасом обнаружил, что вещи Легран лежали на траве, а самой ее нигде не было. А ведь эта безрассудная девчонка не умела плавать... Молодой человек без промедлений оставил Дюваля и прыгнул в центр стремительно расходившегося по поверхности воды круга.

К счастью, примерно в это же мгновение из озера высунулась холодная и тонкая рука – это Кас одумалась и откинула всякие сомнения в том, что это место действительно хорошо для смерти. Томá схватился за нее и потянул на себя. Он буквально выволок девушку на сушу и почти сразу оставил. Ему не было интересно что произошло – нервы и без того расшатались до предела. Легран откашлялась и как ни в чем не бывало начала быстро одеваться. И вот после этого, наконец, горе-возлюбленные с двух сторон взяли мертвое тело, начали из стороны в сторону расшатывать его, а потом на счет три отпустили и лицезрели, как в ледяной водоем погрузилось тело некогда перспективного модельера. Теперь Касио точно не придется думать, что между ними еще что-то может быть, если только она, конечно, не решится после содеянного нырнуть вслед за Клодом.

21. Горе-возлюбленный

*Мы не виновны в смерти Клода!
И будем тайну мы хранить
Покуда не случится веский повод
Тебя в убийстве обвинить.*

– Он смотрел на меня такими странными глазами, будто находился не здесь. Я спрашивала, что ему нужно, но он молчал. А потом я вдруг поняла, что он, наверное, пришел убить меня. Может Клод был под чем-то? – озарило Касио. – Он ведь не отличался особенно устойчивой нервной системой... И из-за того, что я разбила его сердце, которое никому кроме матери он не доверял, отчаявшись, просто не нашел иного пути. Но я не хочу его оправдывать! Мне больно! Мне страшно! Я жутко боюсь всего этого. Это как сон, но я не просыпаюсь, – девушка перешла на шепот, – если вдруг нас поймают, скажи, что ты ни в чем не виноват, ты талантлив, тебя ждет хорошее будущее, – ее трясущиеся холодные руки прерывистыми движениями касались лица молодого человека.

– Прекрати, пожалуйста, нести эту чушь! Я должен был оказаться рядом и выдворить этого идиота! Ведь если бы я не пошел в этот чертов магазин, ты бы не открыла ему. Ты

просто защищалась, Кас! И ничего больше, – уверял Жюль.

– Ничего больше? Мы выкинули его тело в озеро! И ты говоришь ничего больше? Почему мы не позвонили в полицию? Почему мы сами себя обрекли на клеймо преступников?

За вопросами Легран последовала тишина. Тома́ не знал, почему решил спрятать тело. А Касио просто была невменяема, потому ее рассудок в роковой час не мог сыграть заключительную роль. Взъерошенный парень пытался убедить, прежде всего, самого себя в том, что он сделал как лучшее. Возможно, Жюль все еще не до конца осознавал, что его девушка убила человека, а он выкинул его в озеро. Какое теперь обоим было смотреть на руки? Еще семь часов назад на них засохла кровь выжившего из ума модельера, а потом эти же пальцы обматывали тело мусорными мешками и сбрасывали в воду. И даже если кожа чистая, сотню раз с мылом вымытая, это совсем не означает, что два этих бессовестных человека не измывались над умершим. Они обрекли его на страшную участь! Не позаботились как о бывшем друге, как о чьем-то сыне, как о гениальном творце, как о первой и самой долгой любви Легран. И этот крест Касио будет нести вместе с Жюлем до конца их дней.

Все это время пара ощущала будто, несмотря на жесты поддержки, они стали относиться к друг другу иначе. Молодой человек, наверное, думал, что не заведи он отношения с коллегой, жил бы себе припеваючи не зная горя, а та,

в свою очередь всего-навсего ненавидела себя, за то, что не посмотрела в глазок или за то, что не подставилась под нож и тем самым обрекла любимого на страдания. Однако, с другой стороны, общая тягость сплотила их, сделала неразлучными. Если бы они разошлись здесь и сейчас, непременно бы наложили на себя руки, сдались полиции или бы выжили из ума. В конце концов, никто не был виноват в том, что Дювалю захотелось убить ни в чем не повинную Касио. И чем скорее молодые люди поймут это, тем проще им будет перенести эту исключительную дикую и страшную историю.

Они лежали на полу в гостиной, оба раздетые до белья. По коже рассыпались мелкими бусинками мурашки, но это было совершенно не первостепенно. Горло Легран сдавило удушливое ощущение – она стыдилась перед Клодом, будто бы тот все еще был живым. Ведь этот парень, которого она знала слишком долго, точно не заслуживал смерти, а уж тем более от руки подруги. И все-таки она не могла понять: что, в самом деле, толкнуло Дюваля на преступление? Зная, что молодой человек пришел с перочинным ножом, остатки трепетных чувств почему-то старательно прятались, и девушка испытывала боль и разочарование в совершенно иной мере, не той как казалось бы должна была. Ее почти что брат, ее долголетняя любовь теперь покоилась на дне озера, а она не рыдала и не билась в истерике. Касио предала Клода. И сделала это дважды.

Резкий луч солнца ударил в сетчатку – это Жюль раскрыл

занавески. Глаза отказывались разлепляться, Легран не хотела возвращаться к суровой реальности и самобичеванию.

– Проснись и пой, моя любовь! – радостно и громко обратился к девушке Томá.

Он был облачен в свободную темно-синюю шелковую пижаму, подчеркивающую впалые щеки. Молодой человек подошел к жительнице сонного царства и, нежно поцеловав, начал стаскивать одеяло. Касио с легким хрипом подняла ноющее туловище и уселась в позе лотоса. Она не понимала, отчего Жюль выглядел таким жизнерадостным и беззаботным?

– Что не так? – недовольно спросила девушка.

– О чем ты? – Жюль начал пританцовывать и посвистывать, соединяя концы шторных лент один с другим.

– Зачем ты такой веселый? Не притворяйся, меня это раздражает.

– Понять не могу, что же с тобой приключилось?

– Твоя нарочито яркая наигранность вынуждает меня напомнить, что вчера мы утопили труп моего хорошего друга. Для чего заставляешь меня снова произносить это? – прерывисто и твердо проговаривала возмущенная особа.

– А-а-а-а! Ты об этом! Так это ты убила его, а не я, – коварно улыбаясь, заявил Томá

– Что ты несешь, дурак? – Легран вытаращила глаза.

– Ты убила своего друга вчера, заставила меня выкинуть его в озеро, предварительно привязав камни. Так, кажется

это ты дура, раз умудрилась заварить такую м-м-м-м вкусную кашу!

Девушка схватила подушку и швырнула ее в измывающуюся физиономию. Ровно тогда же из глаз потекли слезы. Легран выскочила из комнаты, захлопнула дверь в ванную и закрылась на замок.

– Выходи! Время завтракать – теплый круассанам и свежесваренный кофе ждут тебя! – он говорил это так, будто рекламировал недавно открывшуюся кофейню и от того, по правде говоря, становилось тошно.

Через пятнадцать минут, собравшись с силами и обдумав странное поведение молодого человека, Касио вышла из умывальни, но только для того, чтобы проведать Максимилиана. Пить и есть совершенно не хотелось. Кота девушка обнаружила во все той же спальне, а когда, подхватив его подмышку, вышла в гостиную наткнулась на людей в форме. Окинув взглядом до ужаса искусственно улыбающееся лицо сожителя, Легран со злостью и большим разочарованием отметила: «Сдал меня органам, сволочь».

– Да, ребята, забирайте. Она его убила вчера. Убила в своей маленькой лачуге и выбросила в озеро! У нее под ногтями наверняка частички кожи, точно как у того утопленника, которого вы утром обнаружили за городом, – хитрец смотрел на девушку испепеляющим взглядом. – Я пойду свидетелем, дам против Касио Легран показания. Такое зверство она совершила, и, посмотрите, ничуть не раскаивается. Воз-

мутительно, дорогуша!

В эту же секунду в красивое, но мерзкое лицо Тома прилетел горячий женский кулак. А дальше, под недовольные комментарии молодого человека у девушки отобрали кота, надели наручники и повели в неизвестном направлении. Касию слабо понимала, что происходило вокруг, ее тело стремительно теряло энергию, и через мучительные несколько минут она отключилась.

Резкий луч солнца ударил в сетчатку – это Жюль раскрыл занавески. Глаза отказывались разлепляться, Легран не хотела возвращаться к суровой реальности и самобичеванию.

– Просыпайся, *ma chère*⁴! – ласково и негромко обратился к Касию Тома. – Еще немного и мы опоздаем на работу.

– Ты еще здесь? – раздраженно сквозь сонную пелену спросила девушка.

– Где мне еще быть? Я в своей спальне.

– А я в тюрьме!

– Если тебе так не нравится моя квартира, зачем же тогда перебралась в нее? – с недоумением Жюль смотрел на хмурую Легран.

– Подожди. Что за ерунда, а? Ты же сдал меня!

– Кому и куда, Кас? – в голову молодого человека внезапно закралась мысль, что его возлюбленная, оказывается, лунатик.

– Полиции! За убийство и сокрытие улик. Вот за что! Не

---

⁴ *Ma chère* – моя дорогая.

притворяйся, мне это все уже осточертело!

Лицо молодого человека исказилось в странной гримасе: то ли замешательство, то ли презрение читалось в его пасмурном взгляде. Он почесал затылок, подошел ближе и, присев на корточки, выдержал долгую паузу, смотря в карие глаза сожительницы. Девушка непроизвольно напряглась, начала выискивать в лице Жюля слова, которые он почему-то не спешил произносить. Минуты растянулись до вечности, казалось, еще немного и на голове появятся седые пряди. С каждым мгновением напряжение росло, а вместе с тем и желание Легран вырвать руки из разгоряченных ладоней Тома.

– Ты отнимала часть моего одеяла всю ночь. Как я мог не заметить, что ты ушла и кого-то убила? Сдается мне, Кас, ты выместила на каком-то бедолаге усталость в своем обычном страшном сне. Так ведь? Вспоминай.

По бледному личику девушки пробежалась волна эмоций, будто она в спешке сопоставляла факты. «Вот и все. Ночные кошмары вышли на новый уровень. Лучше бы так стремительно развивалась моя карьера», – облегченно подумала девушка. Дышать стало непременно проще – будто до того легкие были перетянуты дубовыми веревками. До чего жизнь теперь ощущалась ярко! Ладони побелели, с них слезла невидимая черная склизкая жидкость, никак не оттирающаяся, даже если бы Кас разодрала кожу. Пускай лучше Дюваль творит и боготворит мать, пускай он пишет, приходит и ворчит! Нет ничего лучше чем быть! Даже если существова-

ние преподносит уйму неприятных событий и порой кажется неизменно тревожным и печальным. Какой бы не была жизнь, она до последней минуты интересна в своей сложности и оригинальности сценариев! Она до последнего вздоха неповторима и многогранна вне зависимости от насыщенности или тусклости оттенков. Жить – это тоже искусство.

Кас обхватила руками шею возлюбленного, а затем потянула в нагретую постель, чтобы разделить с Жюлем свое глобальное счастье, зацеловать и зарыться носом в его ухоженные кудри, наполненные сладким свежим ароматом бальзама. В эти сладкие минуты казалось, словно солнце, пробивающееся в окно, светило только для них, будто все невзгоды встречались на пути Легран только для того, чтобы однажды она оказалась в этом ласковом мгновении и ощутила, что на самом деле все это время глубоко заблуждалась и в действительности была кому-то очень нужна.

22.Р.Р.А.

*Ожидая яркой жизни,
Незаметно погружаешься на дно.
Будь сильнее – зубы стисни
И не жди красивое кино.
Но, пожалуйста, не кисни!
Счастье всем отведено...*

И внезапно повествование начнется от первого лица. Ты, читатель мой, вероятно удивишься, а, быть может, воскликнешь, что сразу догадался, что Касио Легран – это особа, которая неустанно изливала душу в этой книжонке, где что-то к тому же еще и выдумала. А уж хороша ли получилась эта история, каждый решит сам для себя. Однако сейчас не имеет значения сей момент, ведь я приглашаю тебя посмотреть какого это жить в моей реальности, где обстоятельства выглядят несколько иначе. Точнее будет сказать, что почти все в исключительной моей жизни оказывается таковым, как ты уже знаешь, не считая небольшой, но чрезмерно досадной детали. С момента, когда в «Архитектурном» я зашла в кабинет начальства после увиденного желтого стикера на мониторе, началась пора блистать моим неугомонным фантазиям. Почти все, что связано с Жюлем в этом повествова-

нии было лишь выдумкой, так страстно желанной моей истерзанной действительностью душой. И прошу просить меня за подобное! Мне тоже до глубины души жаль, что не было этих сладких чувственных поцелуев, что не было этой красиво зарождающейся любви. Я просто хотела бы, чтобы наши отношения изначально сложились как в уже рассказанной мной сказке.

Во все такой же дождливый осенний день в издательстве как всегда радостный встретил меня Хейз. Его светлая и солнечная энергетика каждый раз вызывает во мне прилив приятных эмоций, однако еще и немного зависти, потому что улыбка не сходит с лица Леви, даже когда он занимается подготовкой какого-нибудь изрядно нудного и тривиального макета. В этот раз я решила купить кофе в соседней булочной, куда прежде еще не ходила, и не могу назвать это иначе, кроме как огромной ошибкой, ведь напиток на вкус, словно вода разбавленная молоком. Или это мое настроение отравляет уже не только реальность, но и вкус свежесваренного кофе? За рабочим местом на компьютере все также приклеен желтый стикер: все еще не сняла его, хотя давно уже забрала отпускные. Все, что мне осталось сделать сегодня – собрать вещи и попрощаться с мелочами, что стали уже такими привычными за несколько лет, и, конечно, проститься с целой эпохой – любимым «Архитектурным». Пошарпанный стул, который всякий раз, когда садилась на него, издавал протяжный недовольный скрип больше уже не мой, ровно также как

и обклеенный по окантовке забавными наклейками монитор, необычайно красивого ультрамаринового цвета настольная лампа и крохотный кактус на углу стола, который уже, правда, стремительно начал увядать. И если с Хейзом прощаться мне не так грустно, поскольку я наверняка еще встречу с ним только в иных условиях, то подходить к Жюлю мне до ужаса боязно и болезненно. Сдержаться бы и не расплакаться у него на глазах, чтобы не выглядеть растерянной и уязвимой... Вряд ли он возьмет мою холодную руку, осторожно и нежно пальцем смахнет стекающую с щеки одинокую слезу. Напротив – поведение Тома́ будет практически безразличным и совершенно не поэтичным. По крайней мере, так будет в отношении меня, ведь лучезарная Дени расцветает в объятиях этого безмерно красивого и возвышенного молодого человека, с коим она встречается уже почти полгода. Я все-таки оказалась недостаточно стойкой для того, чтобы после вынесенных мучительных шести месяцев продолжить трудиться в издательстве. По собственному волеизъявлению покидаю некогда любимую работу, которая предательски стала каторгой. Словно не было здесь места чему-то хорошему – в роковой день все свелось к чертову негативу, разъедающему меня изнутри. Смотреть на счастливого Жюля в компании белокурой девушки все это время было настоящей пыткой, еще одним источником нескончаемой тоски и причиной для ощущения покинутости и ненужности. Впрочем, все это не в новинку, но почему-то болит сильнее

обычного. Наверное, потому что до появления Дени Тома показал, что такое настоящая романтика, коснулся моих давно забытых искренних чувств юности, позволил ощутить себя женственной и легкой, будучи под его эгидой. Мне вряд ли когда-то удастся забыть нашу восхитительную прогулку под дождем и его любимую песню, что теперь не прекращает играть в наушниках, даже когда глаза краснеют и под грудью что-то обливается кровью. Мне не забыть его добрую улыбку, внимательность и чуткость! И, кажется, имя Жюль никогда не перестанет неустанно крутиться в голове. Даже когда я закрываю глаза в попытке сбежать от собственной жизни, во снах он постоянно появляется и дразнит. Дразнит так, что после пробуждения на протяжении нескольких последующих дней я не могу отбиться от шагающего по пятам желания истошно кричать или лежать в кровати в позе эмбриона, чтобы почувствовать, будто все это страдальческое и хлесткое отступило. В объятиях Морфея чувствую тепло его кожи, а когда просыпаюсь, замечаю только мурашки и робко обнимаю себя, чтобы избавиться от назойливого озноба. Или это просто мое тлеющее сердце леденеет? Надеюсь так. Уж лучше бы было так! Пускай я никогда не узнаю, каковы его губы на вкус, пускай нам не суждено быть вместе – не забуду! Не буду злиться и ненавидеть! Однажды, когда мне станет, наконец, чуточку легче я посмотрю на их с Дени или неважно с кем другим фотографию и слабо улыбнусь, ведь буду знать, что не мой, но все еще дорогой Жюль счастлив.

– Прощай. Была рада работать вместе, – коротко произнесла я, молясь высшим силам, только бы не намokли глаза.

– До встречи, Касио! Мне тоже было приятно работать с тобой. Удачи на новом рабочем месте, – шаблонно пожелал Томá без какого-либо отблеска изменившегося настроения во взгляде.

Я не пожалала ему руку, не посмотрела на него ни секундой больше, а только без промедления развернулась и зашагала в сторону выхода. Оказавшись в другом конце помещения, я все-таки оглянулась, втянув носом приближающееся бессилие. Томá не смотрел на меня, он уже занимался своими незамысловатыми делами, отчего я сначала нервно усмехнулась, а потом сквозь улыбку и наполнившиеся слезами глаза тихо произнесла, смотря ему в спину: «Tes yeux propre comme la rosée du matin⁵».

Шагая по избитому тротуару, я смотрела на небо, изредка из-за этого спотыкаясь, и думала, как же могла совершить эту глупую и смешную ошибку вновь: влюбилась, забылась, расплылась в чувствах, словно акварель на намоченном листе бумаги. Глупая наивная девочка! Вдали слышался разъяренный гром, предупреждающий всех гуляющих по пасмурному городу людей, скрыться по домам, чтобы те не попались под его горячую руку. Я ускорила – надеялась успеть добежать до своей студии с распрекрасным витражом, всякий раз успокаивающим мечущуюся душу. Одна-

---

⁵ Tes yeux propre comme la rosée du matin – твои глаза чисты, как утренняя роса.

ко как бы быстро не наступали на землю заплетающиеся ноги, я так и не успела спрятаться от ливня. А через несколько мгновений мне и вовсе стало безразлично все, что происходило вокруг: я присела в центре пешеходной улицы, не касаясь пятками земли и опустив голову, обхватила колени руками. Совсем скоро прическа безобразно намокла и средства для укладки некрасиво слиплись на волосах. По костяшкам стекали холодные игривые капли. Больше всего на свете я не хотела расставаться с Жюлем, но бездушная реальность грубо затыкала сердце, отчего становилось еще более горько и невыносимо тягостно. Пронизывающий ветер, холодный дождь, зарницы – все это отошло на задний план, ведь не было ничего досаднее и печальнее, чем факт, что в поисках безумно заветного в тысячный раз я оказалась никчемной искательницей, обреченной на вечное одинокое странствие. И жаль, друзья, что мы живем не в дорамах! Ведь не будет принца, который даже после разлада, преодолев сотни испытаний, пойдет за нуждающейся в нем девушкой, чтобы в нужную минуту протянуть ей руку помощи или хотя бы зонтик.

23. Болезнь души

*Кто понял жизнь, тому не страшно,
Что завтра смерть, а он один.
Душа его для чуждых маловажна –
Он понял это, не кретин.*

Люди – существа сложные и занимательные. Смотрим на солнце и думаем о далеком, гуляя по улицам, поддаемся ностальгии. Наш разум всегда заполнен мыслями, а сердце – чувствами. В массе ощущений наиболее глобальным и тревожащим человеческие души является одиночество. Оно бывает разным. Например, заключенный в карцере один во всех смыслах, а сирота окружен другими детьми и воспитателями, но все также испытывает гнетущее чувство покинутости. Однако чтобы быть одиноким, необязательно существовать в непростых условиях. Порой и благополучная социальная личность переживает это чувство.

Отправляясь на какую-нибудь солнечную встречу, неважно с каким распрекрасным человеком, часто задумываюсь, как несуразно и глупо будут звучать мои шутки на фоне оглушительной внутренней пустоты. Быть может, на мгновение вольюсь в разговор, изменю этому чувству, но в другую секунду взгляд замрет на какой-нибудь броской детали и со-

беседник потеряет меня. Но что говорить в такие моменты: «Извини, но с тобой мне все также одиноко, как и всегда?» Да откуда этому человеку вообще знать, что там под грудью не утихают холод и тревожность? А если и заинтересуется состоянием чужой души, рассказать мне будет нечего. Но не потому что отсутствуют слова и соображения, а лишь из-за того, что мысли в избытке, словно летучие мыши, скопом кружатся в черепной коробке. Кроме того, такое признание может звучать обидно. Правда, скорее всего чувство одиночества знакомо визави не меньше моего. Если начнем обсуждать, боюсь, станет только печальнее и тяжелее жить с этой ношей.

Столько вопросов, а ответов нет. Покуда так, от одиночества избавиться – крайне сложная задача. Возможно, причина всему – интуиция, иными словами опыт. Социум иногда несправедлив: в ответ на добрые деяния, мы часто получаем в обратную сторону негатив. Другие люди ломают нас, заставляют усомниться в ценности доверительных отношений. Мы боимся, что близкие предадут, покинут по неизвестным причинам или всего-навсего не поймут. Да, познать чужую душу практически невозможно... И вот перед глазами картина: хороший знакомый тянет руку, этим жестом говоря, что на него можно положиться, но в ответ тишина и промедление – вестники сомнений. А в голове одинокого: «Я кому-то нужен, но всё также опустошение внутри». Одиночество вездесуще. Оно не поддается контролю, часто ка-

жется, что не знает логики. Уже зародился культ вознесения этого чувства, где слоган: «одиночество – это нормально». Эта идея имеет смысл, но разве может быть угнетающее ощущение, при котором мир выглядит тусклым и чужим, чем-то приемлемым? Важно разделять одиночество комфортное и обременяющее. Нельзя всё без разбору косить под одну гребенку. В приятном проявлении это чувство насыщения жизненной энергией, когда человек ненадолго уходит в излюбленное тайное место, чтобы наполниться умиротворением и поговорить с самим собой. В противоположном конце – угнетающее свойство, когда душа чернеет, легкие сжимаются и боль пронизывает каждый уголок души, когда страшно, но не к кому пойти, когда печально, но неясно на чье плечо облокотиться.

Как за каждым фасадом скрываются сотни людей с разными историями, так и за каждой оболочкой, называемой телом, прячутся тысячи пережитых ситуаций и эмоций. И никто кроме нас самих никогда не узнает, каково это быть в этом теле, жить в этой семье, ходить в ту школу, работать именно на этой должности. Да и уровень восприятия боли, как душевной, так и физической индивидуален. Именно поэтому всецело понять другого не выйдет. Для того чтобы помочь избавиться от одиночества остается иной путь: завоевать доверие, показав действиями заинтересованность, поддержав сотни раз, и оставаясь рядом на протяжении долгого времени. Своих находить непросто, делиться сокровенным

страшно, а быть одиноким больно. Время лечит и калечит, но только оно помогает сердцу выбраться из сетей сиротской жизни. Толпы людей страдают от одной «болезни» и каждый хранит эту хворь в закромах словно сокровище, но на деле это всего лишь то, что делает нас, в конечном счете, уязвимыми.

Эпилог

В жизни Селин все будет идти своим чередом: она родит сильно похожего на нее сына Адама и пустится с головой в семейную жизнь, все-таки сыграет красивую, но довольно бюджетную свадьбу, после чего переедет в другой город ближе к родственникам мужа в его небольшой загородный дом. А вместе с тем связь Де Фрей и Касио постепенно ослабнет, оставив после себя разве что фотографии, активности в социальных сетях и старые открытки с праздников, что Легран бережно хранит в небольшом розовом конверте воспоминаний.

Клод, в свою очередь, перестанет навязываться девушке, сосредоточившись на все той же карьере и сильно хворающей матери, что покинет его, едва ли задует цифру 55 на праздничном торте. Жизнь Дюваля потеряет всякие краски: новые коллекции все как одна будут создаваться в черном цвете и все также посвящаться Розе. Но пройдет время, и утрата принесет плоды: наконец, привязанность к матери отпустит сердце модельера, позволив ощутить вкус истинной любви с одной из моделей, что покорит Клода изящной фигурой, густыми бровями и волнистым каре.

Колет и Гретта начнут чаще видаться с дочерью и сестрой после того, как Касио навестит их на День Святого Сильвестра и сготовит с матерью вкуснейшую лазанью. Изменившееся

отношение к Хартманн поспособствует укреплению семейных связей. Легран поймет, что залог ее с Колет счастья заключается в одной мелкой детали, быть может, не самой корректной с точки зрения психологии, но действительно дельной: переменчивость настроения и излишнюю тревожность матери нужно воспринимать, как поведение ребенка, любовь к которому не способна угаснуть даже после поистине ужасных шалостей.

Из рассказов Леви Касио будет узнавать лишь малую долю информации о жизни Жюля, напоминания о котором она всячески попытается искоренить из своей повседневности – образ бильярдера и без того четко будет стоять перед глазами слишком часто. Девушка узнает только, что жизнь Тома будет складываться крайне позитивно: на лице его все также будет проявляться легкий румянец, когда он будет глядеть на свою возлюбленную Дени, с которой, отбросив в сторону рутину, уедет на какой-то сказочный курорт.

Кас продолжит листать анкеты дейтинговых сервисов, нарушая естественный процесс знакомств искусственными встречами. И с каждым новым молодым человеком она будет ощущать лишь утомленность и глубокую меланхолию. И несмотря на то, что она давно уже перестала стараться подбирать слова в ходе бесед, в джентльменах ее образ все также будет вызывать неподдельную замороженность, так мало почему-то отнюдь желанную. Новое издательство на фоне «Архитектурного» окажется неинтересным и чуждым, буд-

то прежняя работа навсегда заняла главное место в сердце девушки. Там в большинстве своем работают женщины, а если все-таки среди розового царства находятся мужчины, они улыбаются Легран своими вставными зубами, почесывая блестящую лысину. Иногда, после тяжелых будней, Кас будет садиться как прежде напротив витража, поднимать на колени податливого Максимильена и нажимать на красную кнопку записи в диктофоне.

«Дорогой Жюль, сегодня мне также как практически и всегда сильно печально. Я вспоминаю проведенные вместе дни и очень по ним скучаю, но я отлично знаю, что в действительности обо мне ты совершенно впредь не думаешь и занимаешься укреплением теплых отношений с другой милой твоему сердцу девушкой. Я хочу сказать лишь о том, что чувствую. После общения с тобой все кажется не таким: люди выглядят пресно, чувства мои холодны. Я только ощущаю ностальгию всякий раз, когда гуляю где-то и с кем-то. Да, я безумно скучаю. Сердце буквально рвется. Уже почти год прошел, а ты с момента нашей последней встречи появляешься в мыслях каждый день. Я не скажу, что люблю тебя, ведь, наверное, это не так... Но почему-то, Жюль, ты безмерно дорог моей душе. Знаю, что больше наши жизни не пересекаться. Время. Мне всегда требуется время, чтобы вернуться к более менее устойчивой гармонии после сложных, но неизменно удивительных жизненных историй».